

18+

АННА СЕНИЧЕВА

КОЛЬЦО РАЗБОЙНИКА

ЮВЕЛИРЫ И АВАНТЮРИСТЫ

Анна Сеничева

Кольцо Разбойника

<https://litres.ru/73874646>

ISBN 9785006992955

Аннотация

Добро пожаловать в Брокхольм. Некогда разбойничал здесь мой предок — его каменные совы и поныне стерегут усадьбу. В другое время я бы её показала, но сейчас полюбуемся из-за ограды: дом арестован, а из богатств располагаю только долгами. И вот ещё история — явилась на днях странная компания с нашим фамильным кольцом. Украденным. Принесли мне как ювелиру. Как ювелир скажу — держались бы вы от него подальше. Оно служит лишь одной семье, да и нрав у него тот ещё. На то и кольцо Разбойника.

Содержание

I	5
II	22
III	34
IV	60
V	65
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Кольцо Разбойника

Анна Сеничева

© Анна Сеничева, 2026

ISBN 978-5-0069-9295-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Ехать оставалось самое большее с четверть часа — что было совсем неплохо, учитывая, какова дорога от второй королевской заставы до Бестама. Просто срам, а не дорога. Одни бугры...

Эти места ничуть не изменились. Беседки-ротонды, тумбы с театральными афишами и объявлениями о сдаче внаём особнячков и комнат, огромные липы Королевской аллеи, белые скамейки, а на одной из них сидел... Удивительно, неужели тот самый старичок? Хозяин цветочной лавки на улице — ну, той улочке, что отходит от Овощного торгога — да, точно, Альбертины! Дедок с красной тростью и ромашкой в петлице, который совершает здесь моцион уже лет двадцать... Я прижалась лбом к стеклу, пытаюсь разглядеть нужную скамейку, и тут же ударилась о раму, когда экипаж подбросило на очередной колдобине.

— Осторожнее, мадам!

— Да-да, Грета, я вижу.

— Хороши будете перед гостями с синяком во весь лоб.

Кого вы там высматривали?

— Старичок знакомый сидел.

— Эка невидаль, тут старички кишмя кишат. И старички, и старушки — прямо какая-то стариковская столица!

— Ну чего же ты хочешь, всё же главная лечебница коро-

левства.

— А что за крепостная стена с башней? Из шиповника торчит?

— Бювет кронпринца Альберта. Вон и сам Альберт, на барельефе... Над входом.

Грета проводила взглядом башенку — точную копию той, что высилась когда-то на Бестамском холме. Вокруг башни толпились дамы с кружевными зонтиками и кружками для минеральной воды.

— Что же вы говорили, что он красивый? — негромко спросила моя камеристка. — Ей-богу, какой-то губошлёп.

— Это ты спроси у того, кто его так отчеканил. По мне — милейший человек и прекрасно воспитан. Правда, я и видела принца раза два... Теперь-то вряд ли придётся.

— Не говорите глупостей, ещё увидите. А не увидите — так и невелика потеря...

Копыта ударили по брусчатке. Дилижанс обогнул крепостной вал и с грохотом въехал под арку Аптекарских ворот.

Как знакомо здесь всё! Будто за воротами начинался не сам городок, а моё детство. Улица Купален, Королевский сад, где играл духовой оркестр и пекли вафли, переулок лейб-медика Якоба — интересно, там всё такие же страшные цены? А в Лекарском квартале змей прибавилось: раньше только на стенах изображали, а теперь и на водосточных желобах начали.

Экипаж проехал по улице Менял и сделал остановку на площади Биржи. Здесь мы с Гретой и вышли — у гостиницы с двумя коваными медведями на ограде. У одного натёртый нос блестел как золотой, а другой держал лапу наотмашь, словно он и дал первому по носу.

Сколько раз я уже этих медведей видела, каждую царапину знала, но сейчас, у самых дверей гостиницы, обернулась и снова глянула на них. На один короткий миг внутри всё сжалось от внезапной тревоги, непонятно откуда взявшейся. И я еле удержалась, чтобы не схватить медведя за сверкающий нос — на удачу... И загадать, чтобы мы выехали из Бестама так же спокойно, как и приехали, и чтобы единственной нашей неприятностью стали дорожные рытвины и ухабы.

— Опять стариков выискиваете? — окликнула меня Грета, остановившись у входа.

— Иду, иду...

«У двух медведей» считалась одной из лучших гостиниц в Бестама. Я выбрала её по старой памяти — доводилось тут бывать, — и потому, что цели нашего визита она соответствовала как нельзя лучше. Правда, в последнее время такие вольности я позволяла себе всё реже, и лишь когда обстоятельства того требовали.

Пока служащий искал заказ в гостиничном реестре, часы на башенке Биржи тонко вызвонили полдень. Вот и прекрасно, есть время перекусить и привести себя в порядок перед встречей.

— Да, вижу. Элен Альяни с камеристкой, Гретой Мешедде. Путешествуют по собственным надобностям. Так? — не услышав ответа, молодой человек поднял глаза. — Сударыня? Это вы Элен Альяни?

Вопрос этот уже давно стал обычным. Но сейчас, в Беста-ме, да ещё в «Двух медведях», он прозвучал странно.

— Что? Ах да, сударь. Да, это я и есть.

В двух смежных комнатах было просто, опрятно и красиво. С тёмно-бордового ковра смотрели те же медведи, тонкая мебель с гнутыми ножками и спинками — столичных мастерских. В ящичке за окном цвели красные петунии. Пахло местным лечебным мылом и сухой лавандой.

— Мне здесь нравится, — заявила Гретхен, оглядевшись. — Очень мило.

— Вот и хорошо, сокровище. Распакуй вещи, будь добра.

— А мы сходим в театр? Внизу сказали — сейчас выступает певец из столицы. Тот самый, что пел в прошлом сезоне в «Вогез Театрико» про несчастное сердце и ещё какие-то беды. Долги у него были, что ли...

— Про долги я тебе и сама спою — любой певец от зависти позеленеет.

— Это-то дело известное... А представление тогда стоящее было! Я чуть не разрыдалась. Правда, толком не разобрала, кто кому брат, кто сват в этом балете, но всё так красиво и благородно... И портьеры в ложе такие, хоть парадное

платье шей. Сходим?

— Если всё пройдет удачно — почему бы и нет? — я не стала поправлять Грету, которая никак не могла запомнить, где поют, а где танцуют, и говорить, что в местном театре с расшитыми портьерами дела могут обстоять похуже, чем в столичном.

Пока Грета возилась с чемоданами, напевая что-то из слышанного в театре, фальшивя и забавно перевирая слова, я распахнула окна и вышла на балкон. В комнату ворвался лёгкий ветерок, взметнул кисейные занавеси.

Начало осени тронуло каштаны и клёны площади Биржи, словно брызнув на них красками. Ветки с резными багряными листьями свешивались через перила балкона. За углом журчал фонтан и цокали копыта. Было ещё по-летнему тепло, разве что пасмурно — к вечеру, наверное, соберётся дождь.

Через площадь промчался мальчишка-разносчик с круглой коробкой в руках. На коробке был вензель кондитерской Амадея — самой старой в городе. Несёт кому-то знаменитые «Королевские кружева» — белый воздушный торт с меренгами и вишнями, которые вымачивались в целебном бальзаме...

— люби-и-имый дожираем ужин! — Грета с чувством закончила арию, щёлкнув замком чемодана.

В действительности там было про «без любимой даже рай не нужен», но это уже мелочи, да и кто там слова понимает,

в опере-то.

— Поешь просто чудесно, — я обернулась в комнату. — Совсем не хуже, чем тот баритон.

— Что? Моветон? — не расслышав, переспросила Грета. — А чего сразу моветон? Её милость Ванесса-Терезия частенько это словцо вворачивала, когда бывала не в духе.

Её милость Ванесса-Терезия... Да, для неё много чего было «моветон», угодить мало кому удавалось.

— А что за бумаги на столе?

— Ваши документы, мадам! Я всё взяла, вдруг господин бакалейщик полюбопытствует.

— Он галантерейщик. Убери, меньше будет вопросов. Будто не знаешь, какое имя там написано.

Грета что-то неразборчиво ответила из другой комнаты. Я вытащила из саквояжа папку и стала складывать всё сама.

Откуда же взялось столько бумаг, да ещё за такой короткой срок... Так, это мой диплом, с ним понятно. Королевский университет, факультет изящных искусств. Геммология и ювелирное дело. Подписывал сам профессор Иезекиил Эверих — умница, оригинал и большой талант. Если бы не пил так, цены б ему не было. Тот самый, который изобрел «вогезскую грань», новый способ огранки — на кафедре это название так и не прижилось, там её по-прежнему зовут «Иезекииловой».

Подшивка документов по дополнительным дисциплинам: новейшее искусствоведение и ювелирный рисунок — луч-

ший курс в Герцогской галерее... Надо бы посмотреть, что там нынче интересного. «Оценка в ювелирном деле» — до сих пор помню этого упыря, главного оценщика из Алмазной кладовой, который вёл лекции и принимал экзамены, надо же так издеваться над людьми! Я из него свой диплом как клещами вытаскивала, всё не хотел отдавать, вопил, что по его предмету ни одна живая душа высший балл получить не может, включая и его самого.

Химия и алхимия сплавов. Минералогия. Три месяца в горах на севере страны. Сильнейшая простуда, вывихнутая рука, но за те знания и знакомства плата очень даже умеренная.

«Подделки и имитации произведений искусства» — этот блистательный курс читал директор и главный аукционист «Королевского торга», на его занятия ломились, как на премьерные спектакли. На моём свидетельстве он тогда написал что-то весьма лестное, даже в стихах.

Да, её милость Ванесса-Терезия при всей своей взыскательности вряд ли нашла бы, в чём меня упрекнуть, а к людям моего ремесла она была отменно строга, строже, чем ко всем остальным. Зато и награждать умела, как никто другой. Ничего не попишешь — влиятельнейшая особа и главная патронесса ювелиров в королевстве... И было-то у этой дамы всего две слабости — собственно драгоценности и любимая внучка. Звали внучку Анна-Леста Вандервельт. И от всего, что случилось потом, эту барышню не спасли никакие ди-

плумы и похвальные грамоты.

Так... А это что? Копия закладной, выданной дворянским опекунским советом на имение Брокхольм. Она-то здесь как оказалась... И надпись карандашом рукой моего Иезекиила: «Дорогая девочка, не отчаивайся и помни — многие выдающиеся люди искусства были нищими». Спасибо, профессор.

— Мадам, какое платье приготовить? — Грета высунулась из комнаты.

— Серое.

Краем глаза я видела, что Грета по-прежнему смотрит на меня.

— Что-то случилось, мадам? На вас лица нет...

— Всё хорошо, не беспокойся. Займись платьем, времени мало.

Грета скрылась, а я глянула на себя в зеркало. «Лица нет...» Пожалуй, правда. И ведь ничего не случилось, только ещё раз увидела дату на закладной. Знала её наизусть, но за полтора года за всеми хлопотами, делами и работой умудрилась забыть, или даже не забыть — просто выпустить из внимания. А срок с каждым днём таял. На погашение непомерного долга осталось меньше года.

Довольно! Увидела бы меня сейчас «её милость», выгнала бы взашей и велела не появляться на глаза, пока не возьму себя в руки. Вот этим и займусь.

Мелочи из дорожного несессера были разложены на туа-

летном столике. Флакон с духами, по счастью, оказался цел — мог треснуть или разбиться в дороге, когда однажды нас сильно подбросило. Это был фигурный флакон из матового, будто заиндевевшего стекла, оплетённый серебряной вязью, а духи — свежие, похожие на запах молодой листвы, с лёгкой ноткой горечи.

Я оглядела платье. Один из лучших нарядов, ещё из «той» жизни. Тогда подобный гардероб был делом обычным, я и представить себе не могла, что когда-нибудь он станет роскошью. Серый переливающийся шёлк оттенка пасмурного утра, расшитый серебряными листьями плюща по поясу и воротнику, и белоснежный цветок на воротнике.

— У бедности есть и преимущества, — заметила Грета.

— Любопытно, какие именно, — я поправила воротник.

— Вы ни капельки не поправились, платье будто только с иголочки...

— Грета, ты говоришь глупости. Можно подумать, будь всё хорошо, я целыми днями только бы и делала, что сидела в кондитерских. Будь добра, подай коробку с серьгами, она на столе за тобой...

— Я только хотела сказать, что вы после... ну, хуже не стали. Кто не знает, нипочём не догадается.

— В том-то и дело, что все знают. Но всё равно спасибо, сокровище.

Я села перед зеркалом, убрала волосы и нанесла каплю духов на запястье, потом порепетировала немного, изображая

изумление, восторг, благоговение, а также прочие чувства, полагающиеся при взгляде на дорогие украшения — заказчикам это нравится.

— Опять кривляетесь? — спросила Гретхен.

— А то. И не возмущайся — можно подумать, я только для себя стараюсь!

— Её милость говорила, что если скорчить рожу, а вас кто напугает, то так на всю жизнь и останется.

— Сушая правда, поэтому лучше меня не пугай.

— Когда придёт ваш бакалейщик?

— Грета, он галантерейщик. В два часа. И себя приведи в порядок, сделай милость.

Рядом с несессером лежала визитная карточка моего клиента — строгая и простая, как начали делать в последнее время состоятельные люди из торгового мира. Никаких золотых гербов и вычурных шрифтов. На визитке значилось:

Густав Шаванн.

Торговля мануфактурой и галантереей

Наши клиенты — ибо Шаванн явился не один — оказались людьми пунктуальными и без пяти минут два Грета чинно ввела в апартаменты гостей.

Первым вошёл человек в летах, лысоватый, в золотых очках и с васильком в петлице. Моей рослой Гретхен он не доставал и до плеча. Одет в тёмно-коричневый костюм с крас-

ной нитью, скромного вида, но прекрасно сшитый.

Я приветливо улыбнулась и встала навстречу. Шаванн произвёл хорошее впечатление, разве что на торговца мануфактурой походил мало. Если бы я встретила его на улице, да ещё здесь, в Бестае, то приняла бы за управляющего или поверенного. За Шаванном вошли его дети — дочка и сын.

Дочь оказалась моих примерно лет или немного младше, рыженькая, с золотистыми веснушками и светло-голубыми глазами. Очень милая девушка, по моде и со вкусом одетая. Она сделала изящный реверанс, смущаясь, села в уголке дивана и принялась с любопытством оглядываться по сторонам. Девушка мне тоже понравилась. Пока всё шло неплохо...

Рассматривая их, я на миг забыла про третьего, и вспомнила только, когда он с тихим щелчком закрыл за собой дверь.

И вот тут меня кольнула тревога, или не тревога даже, а пока лёгкое её предчувствие.

Если девушка могла быть дочерью торговца, воспитанной в каком-нибудь приличном пансионе, то гость на роль сына галантерейщика, пусть даже состоятельного или очень состоятельного, не годился вообще.

Это был стройный молодой человек, светловолосый и сероглазый. Тёмно-синий костюм, застёгнутый на все пуговицы, сидел на нём как влитой. Серебряные запонки с сапфировыми каплями и крохотную булавку галстука мне не нуж-

но было разглядывать в лупу, чтобы оценить их стоимость. Шаванн, судя по всему, торговал мануфактурой довольно бойко, и дела у него не оставляли желать лучшего.

У сына торговца был взгляд чуть исподлобья, не слишком доброжелательный, хотя и откровенно грубым не назовёшь, прямые тёмные брови и длинные ресницы. Для мужчины даже неприлично длинные. Гость отвесил короткий сдержанный поклон, совершенно не претендовавший на галантность, после приглашения прошёл к креслу. Сдвинул его и сел в стороне от остальных, так что напротив меня оказались сам Шаванн и его дочка.

Минут пять мы вели непринуждённую беседу. О том, что сентябрь в этом году просто чудесен, о прелестях отдыха в Бестаме, да ещё в этот сезон и в такую погоду, о том, какие минеральные воды и в какое время дня лучше принимать. Шаванн коснулся трудностей работы с капризными покупателями и ненадёжными поставщиками, вежливо посетовал на то, что такая очаровательная молодая особа, как я, вынуждена зарабатывать на жизнь и бывать в разъездах, общаясь с заказчиками, среди которых наверняка встречаются люди весьма разные.

В свою очередь я ответила, что всегда завидовала людям с деловой жилкой и сама бы от неё не отказалась. А что до заказчиков, то они, по счастью, больше такие, как господин Шаванн, а при такой работе и отдых не нужен. Обменялись любезностями, короче говоря.

За время разговора гостя проронила что-то вроде «конечно» и «разумеется», и явно не рисковала лишний раз вмешиваться. Блондин не произнёс ни слова. А когда я повернулась к нему, чтобы пригласить к беседе и заодно посмотреть, чем он занят, то встретила внимательный взгляд, сдержанный кивок, и опять это выражение то ли настороженности, то ли нерасположения. Затем он перевёл глаза в угол, и проследив его взгляд, я поняла, что он уселся таким образом неслучайно — как раз напротив стоял туалетный столик с зеркалом. Надо же, освоился в моём номере быстрее меня.

Всё по-прежнему выглядело чинно и пристойно, но было ясно, что встреча предстоит непростая. Ещё не видя, с чем именно они заявили, я знала, что гости не из обычных, и не потому, что были «людьми из общества» — иные ко мне редко обращаются — нет, это здесь не при чём. У визита была какая-то иная, пока скрываемая цель.

Блондин с рыженькой не были братом и сестрой, и уж в любом случае не приходились детьми герру Шаванну. И дело не в том, что они несколько не походили друг на друга внешне и не имели общих фамильных черт — мало ли что бывает; в их отношениях не чувствовалось теплоты родственников, да и такое не редкость. Но нет, все трое были деловыми знакомыми, и роли на встрече были распределены. Шаванн, выдавая себя за торговца, должен был вести беседу, барышня — придать визиту благопристойность и усыпить мою бдительность — что плохого можно ожидать от семьи с та-

кой милой и прекрасно воспитанной девушкой? А блондин молча наблюдал, делая какие-то выводы, которыми, судя по всему, делиться не собирался. И главным в этой троице был именно он.

Нравилось мне это всё меньше, но выгнать гостей, понятно, я не могла. Да и может статься, что подозрительные с виду детали имеют простые причины. Шаванн — вправду торговец, девушка — и вправду его дочь, а светловолосый — какой-нибудь деловой знакомый, которого представили сыном лишь для того, чтобы не пускаться в ненужные объяснения. А возможно, это вправду его сын. От какой-нибудь красавицы-аристократки, случайно увидевшей в витрине лавки торговца и влюбившейся насмерть. И мальчик пошёл не в отца. Тьфу, ну и чушь лезет в голову, как бы вслух не сказать...

Я попросила разрешения выйти и прошла в смежную комнату.

— Спустись вниз, к стойке, — шёпотом велела я Грете, — и скажи, чтобы минут через сорок кто-нибудь из прислуги наведалься бы в номер под благовидным предлогом. А если на стук не ответят, пусть сразу поднимают тревогу. Ступай!

Грета выпучила глаза, но лишних вопросов задавать не стала — поняла, что не время. Кивнула и выскочила из номера.

Когда я вернулась, в беседе возникла неловкая пауза. По-гожую осень, променады и колоннаду с минеральными водами мы обсудили, пора было переходить к делу.

— Ну что же, — подсев ближе к столу, сказал Шаванн, — должен заметить, что человек я не слишком-то образованный, и мало понимаю в тонких вопросах вроде художественных ценностей и произведений искусства, в том числе ювелирного, ибо большую часть жизни провёл в других сферах...

Всё это он сообщил с той непринужденной интонацией, которая, разумеется, и выдает действительно необразованного и неотёсанного человека.

— ...однако в последнее время стал задумываться о вложении денег в вечное, так сказать. Это впоследствии поможет и детям, мало ли что случится в жизни. Разумеется, для таких приобретений нужны знания и советы людей разбирающихся, без этого недолго и попасть впросак, — он погладил свою лысину. — Я обратился к вам, собственно, для того, чтобы услышать мнение знатока на предмет первого моего приобретения. Покупка сделана по случаю и, возможно, неосмотрительно, что не слишком-то на меня похоже. Однако назад уже не вернёшь. Желая услышать ваш вердикт, сударыня, — с улыбкой закончил он.

Я осторожно выразила сомнение, что чутьё моего гостя способно его подвести даже в вопросах, далёких от обычного делового оборота. И следовало признать, что такое мнение о моих знаниях представляется очень лестным, и герр Шаванн, как человек опытный, обязательно навел справки, прежде чем принять решение обратиться именно ко мне.

— Хотелось бы узнать, чьей рекомендации я обязана вашим визитом.

— В последнем издании «Вестника ювелиров» фамилия Альяни значится первой, — спокойно пояснил Шаванн. Это правда; и выбирая себе новое имя, я не в последнюю очередь подумала и об этом, — далее я наведалься на кафедру Королевского университета, и получил исчерпывающие сведения от самого профессора Эвериха, изобретателя э-э... какого-то весьма уважаемого метода обработки камней, если я правильно понял.

Ах, ну конечно же! Иезекиил! Старый мой пьяница, хоть какой-то от тебя прок!

— «Вогезская грань», — вежливо подсказала я.

— Да-да, именно так. По мне, услышанного оказалось достаточно, — сказал Шаванн.

Допустим. Пока что звучало убедительно.

— Вы взяли на себя немалый труд, и мне не терпится увидеть, ради чего всё было предпринято.

Герр Шаванн ответил лёгким кивком и потянулся к внутреннему карману своего отлично сшитого пиджака. Выудил чёрный бархатный футляр.

Я подалась вперёд, но не от любопытства или нетерпения. Из жилетного кармана у гостя выскользнули и качнулись на цепочке его часы. Крупные золотые часы, дорогие, но вполне обыкновенные, если б не одна деталь: на крышке мелькнула гравировка с изображением пера и круглой печати —

символ узнаваемый, по мне так даже очень. А вот это уже интересно... Если я не ошиблась, и гравировка там действительно была, то мой образованный и интеллигентный мануфактурщик должен был эти часы выторговать или украсть у какого-нибудь нотариуса, потому что носили их именно они. И лет десять-пятнадцать назад, то есть тогда, когда Шаванн мог бы получить лицензию в палате и начать практику, это был почти обязательный к ношению атрибут во всём их сообществе.

Часы снова вернулись в жилетный карман. Торговец-нотариус аккуратно положил на стол футляр, повозился с застёжкой и откинул крышечку.

И вот тут-то мне понадобились все мои навыки лицедейства — но вовсе не для того, чтобы изобразить удивление, восхищение или страх. А для того, чтобы их скрыть.

Передо мной лежало кольцо Разбойника.

II

В семье сохранилось предание, что родоначальник — Йохан Вандервельт — был разбойником. Главарём шайки, которая промышляла когда-то в лесах Брокхольма.

Йохана знали на всех близлежащих, потом дальних дорогах и в деревнях, а вскорости имя его стало известно и за пределами провинции. Он был самым бесстрашным, дерзким и везучим, и никто не знал, где этот грабитель появится в следующий момент. Хотя слово «жестокий» с его именем не соседствовало никогда, скорей даже Йохана считали чудачком. Бывало, он обносил какую-нибудь усадьбу, складывал всё на дороге, да так и оставлял добычу первому встречному.

Бесчинствовал Вандервельт лет пять, то надолго прячась в лесах, то снова появляясь на проезжих трактах, и вдруг все его похождения закончились самым внезапным и удивительным образом.

Как-то раз, глухой ночью, когда разбойники пировали после особенно удачного дела, на их поляну, прямо к костру, вышел седой старик с бородой до пояса. Как он нашёл тайное место и незамеченным пробрался через охрану — а предок, хоть и главарь лесной вольницы, порядок соблюдал железный — так и осталось загадкой.

Йохан, будучи в добром расположении духа, да ещё увидав, что перед ним простой старик, не стал допытываться,

откуда взялся незванный гость, честью угостил его и велел устроить на ночлег.

Однако пришлый дед вместо того, чтобы отдохнуть, завёл с главарём душеспасительную беседу. О чём говорил Вандервельт со стариком, доподлинно неизвестно, но последствия разговора были таковы, что на заре Йохан забрал свою долю добычи и, сгибаясь под тяжестью награбленного, покинул лесной приют. В то же самое утро разбойник неведомым образом оказался на другом конце провинции, у ворот монастыря на Тихой реке — кажется, так называлось то место.

Приведя грешника в обитель, старец растворился в утреннем тумане без следа. Впоследствии по описаниям монахов, да ещё по изображению на монастырском витраже Йохан понял, что в ту ночь к нему пожаловал сам святой Ансельм.

Вандервельт поселился в монастыре. Там он провёл пять лет — ровно столько, сколько ранее буянил по городам и весям, и слава о его духовных подвигах разнеслась далеко за пределы обители, как некогда разносилась слава о грабежах и попойках...

Местный епископ, прослышав о такой чудной истории, явился в монастырь, убедился в правдивости слухов, и самолично исходатайствовал у короля помилование раскаявшегося разбойника. Годы спустя, когда Йоханковытаскивал из своих тайных ям и пещер остатки сокровищ и пожертвовал на богоугодные дела, ему было жаловано дворянское достоинство. А шайка грабителей разошлась сама собой. Кто-

то ушёл искать счастья в другие края, а кто-то обосновался в деревнях Брокхольма, оттого у многих жителей фамилии больше похожи на разбойничьи прозвища.

Так и началась история рода Вандервельт-Брокхольм.

Сколько правды в этом предании, судить не берусь. По мне — так ровно столько же, сколько в любой семейной легенде подобного толка.

Сильно подозреваю, что Йохан Вандервельт был вовсе не разбойником с большой дороги, а трактирщиком примерно оттуда же. Разбойником его, может статься, прозвали за то, что бессовестно драл с проезжающих и не стеснялся обсчитывать. Он и дворянское звание мог прикупить по случаю — либо вовремя ссудил деньгами кого-то из высокопоставленных гостей, либо как-то иначе угодил. Подчас громкие истории о подвигах и благодеяниях, за которые жалован дворянский титул, в действительности звучат прозаически, а из-за родовых щитов выглядит конюх или кузнец. Да и сами владельцы не прочь изобразить на гербе плуг, подкову или топор. Как дань уважения истории семьи.

Что до герба Вандервельтов, то на нём был тот самый лесной костер, к которому явился в полночь святой Ансельм.

Давно, ещё во время учёбы, эта история меня поразила. Тогда и тени сомнения не было в её подлинности.

В моём воображении приключения Йохана постепенно обрастали подробностями, играли яркими красками, и наконец вылились в объёмистую книженцию в моднейшем тогда

жанре готического романа. Называлась книга соответственно — «Кровавый исток Вандервельтов». Роман изобиловал кинжалами, проклятиями, зарытыми кладами, кровь лилась рекой, а герои в масках и чёрных плащах произносили высокопарные реплики. Словом, всё по законам жанра.

Книга произвела лёгкий переполох и вызвала новую волну интереса к семье. На сцене одного из театров целый сезон держался спектакль «Кровь и сокровища», поставленный по мотивам романа. Этот спектакль был первым, который увидела в театре моя Гретхен. Впечатление он произвёл неизгладимое, и с тех пор в каждом представлении, будь то опера, балет или любительский спектакль, она ждала рассказа о сокровищах и бывала очень разочарована, если сочинитель упустил из виду такую важную деталь. Словом «сокровище» Грета прожужжала мне все уши, так что оно приклеилось и стало её семейным прозвищем...

Наводящий ужас роман на полгода сделал меня знаменитостью, чем я очень гордилась, однако в скором времени некоторые особо хитрые должники вздумали им воспользоваться, дабы увильнуть от обязательств. В судебных процессах они размахивали выдранными из книги страницами, расписывавшими зверства Вандервельтов, утверждали, что более кровожадных и бессовестных кредиторов свет не видывал, и на этом основании пытались не на шутку срезать проценты. Ванесса-Терезия тогда лично вмешалась, изъяв из продажи всё, что осталось. Мне сделали строгое внушение о

необходимости осторожнее выбирать темы.

Так или иначе, но эта история официально считается основанием семьи и именно таким образом записана в генеалогической книге. Предки порой выставляли легенду напоказ, желая прихвастнуть удалей и лихостью первого Вандервельта, в другое же время, желая выглядеть людьми приличными, обходили тему стороной, считая, что «нельзя же верить всем этим сказкам».

Однако от первой истории берёт начало и вторая, объяснить которую куда сложнее. До настоящего времени, во всяком случае, никому не удалось.

Старейшей реликвией семьи считалось кольцо Разбойника. Того самого — Йохана Вандервельта.

На печатке из тёмно-красного агата было вырезано изображение костра. Вырезано, на мой вкус, грубовато, но сам оттиск получался ясный, чёткий и удивительно красивый — и впрямь костёр с тонкими яростными сполохами. А если на сургуч или чернила оттиска падал свет, костёр казался настоящим, будто переливалась и сияла в нём искра подлинного, живого огня. Но даже это показалось мелочью в сравнении с тем, что я увидела, надев однажды перстень.

Агат в нём зажегся изнутри. Разгорался медленно и сначала еле видно, потом всё ярче и под конец запылал багровым пламенем. Ванесса-Терезия тогда с улыбкой заметила, что камень имел очень веские основания вести себя именно так. Смысл этих слов я поняла лишь годы спустя.

Не раз приходилось слышать, что кольцо, как и другие ценности семьи, обладало некими чудодейственными свойствами — если порыться в семейных архивах, следы наверняка можно отыскать. Но в то время такими вещами я интересовалась мало, а сейчас и вовсе стало не до них...

В официальных же каталогах и разных альбомах, исторических и художественных, содержится только рисунок кольца, описание оправы, вес и огранка камня, и что-то вроде «агат — символ здоровья и долголетия» или тому подобное.

И вот сейчас это самое кольцо Разбойника, старинная, загадочная и самая важная из реликвий дома, утерянная вместе с остальными баснословными богатствами, лежала передо мной...

...За окном с громким карканьем сцепились вороны. Я отвела глаза от футляра, быстро встала с места и закрыла балконную дверь. Все мои чувства в тот короткий миг можно было прочесть на лице, особой пронизательности для этого не требовалось. Когда же я отвернулась от балкона, звон в голове поутих, и на кольцо, как и на его теперешних хозяев, я могла смотреть, по крайней мере, сдержанно. Но только смотреть, мысли-то никуда не денешь!

Мои заказчики — этот невероятно грамотный торговец и его «дети» — уже казались не просто подозрительными, а выглядели настоящими бандитами. Безусловно, знают, кто я такая. Не могут не знать. Однако явились под чужими именами и не как к законному владельцу. Случайно? Нет? Тогда

зачем?

Я сидела, кусая губы и глядя на кольцо. Молчание затягивалось, пора было сказать хоть что-то. Подняв глаза на Шаванна, я как могла любезнее улыбнулась.

— Мои приготовления могут показаться скучными, особенно такой очаровательной барышне, — «дочка» смущённо порозовела, — это не слишком увлекательное дело, так что предложу вам по чашке кофе. Чтобы скрасить ожидание.

Шаванн, распахнув пиджак, сел поудобнее и удовлетворённо кивнул. На блондина я не смотрела — уже знала, что ничего хорошего не увижу.

Первым и отчаянным порывом было шепнуть Грете, чтобы сыпанула в кофе снотворного — когда два года назад заварилась вся кутерьма с залогом, арестами и судами, меня частенько мучила бессонница, так что эта вещь всегда была под рукой, — и напоила всю честную компанию. А через полчаса бегом покинем гостиницу вместе с кольцом.

Однако что будет дальше — и так понятно.

Далеко не уйдём. Не позднее вечера наше описание будет висеть на каждом столбе, неприятности наживём нешуточные, не говоря уже о громком позоре — будто мало арестованного имущества и просроченных векселей. А надежда разузнать хоть что-то о моём состоянии, по всей вероятности, будет потеряна навсегда.

В голос я велела Грете подать кофе, и еле слышно добавила:

— Когда уйдут, за ними надо проследить, до самого дома. Это вопрос жизни и смерти. — Чуть громче: — И не забудьте молоко, дорогая. — Снова шёпотом: — И смотри осторожнее, не как в прошлый раз!

А в прошлый раз Грета, споткнувшись, едва не ошпарила одного знатного коллекционера. Ещё немного, и с бароном можно было бы прощаться — как с женщиной и как с постоянным моим заказчиком.

Грета с готовностью кивнула, и через пять минут внесла кофейный прибор. Сама вышла из номера, ступая на цыпочках. Просто сокровище у меня, а не камеристка...

— Необычная вещь, — говорила я, раскладывая инструменты. Девушка следила за мной заворожённо, Шаванн — со спокойным интересом, а на лице блондина по-прежнему не отражалось ровным счётом никаких эмоций. — Кажется, герр Шаванн, начало вашей коллекции положено удачное.

Я вытасила тонкие перчатки, в которых обычно смотрела драгоценности, но мой гость всплеснул руками в деланном удивлении:

— Какие строгости, сударыня! Зачем же это! Неужели обязательно?

— Так принято, господин Шаванн, — вежливая улыбка уже сводила скулы, но делать было нечего. — Ваше кольцо должно вернуться к хозяину без малейших следов.

— Как человек, чуждый всяким изыскам, я в этом отношении совершенно нетребователен, — возразил «торго-

вещь». — Не утруждайте себя, прошу вас. Разрешите, я заодно взгляну на ваши перчатки, — он, словно между делом, сгрёб их, положив к себе на колени. — Мне, как мануфактурщику, будет любопытно...

Сходите, сударь, к золотарю поглядеть на его рукавицы, будет ещё любопытнее, со злостью подумала я.

Шаванн нравился мне всё меньше, а блондина с его колючим взглядом я начинала ненавидеть. Девушка не в счёт — видимо, её и впрямь взяли для отвода глаз, в детали плана не посвятили, и ей было мало дела и до меня, и до этого грубого старого перстня, который она надела бы на свой пальчик только под дулом пистолета. Увидев, что я не собираюсь показывать фокусы или жонглировать инструментами, она быстро утратила интерес к происходящему и теперь смотрела в окно, хлопая глазами.

Разумеется, не мои советы и знания им были нужны — вся эта странная компания явилась сюда с одной-единственной целью: глянуть, как поведёт себя кольцо, оказавшись в моих руках. Следовательно, интересуется их моя собственная персона.

Ну уж нет, господа, такого удовольствия я вам не доставлю.

— Тогда разрешите хотя бы обработать руки, герр Шаванн.

В этом мне любезно не отказали.

Я достала из несессера маленький коричневый флакон.

Вытащила пробку и брызнула на пальцы.

Жаль, что состав имел всего-навсего лёгкий запах уксуса, да и тот быстро испарялся. Если бы жидкость ударила в нос моим заказчикам ядрёным нашатырём, получилось бы гораздо интереснее, во всяком случае, тот гость, что сидит у меня за спиной, был бы приятно удивлён... И, возможно, даже выскочил бы из номера, к моей большой радости.

Да, надо непременно подать Иезекиилу эту мысль, он оценит. Первоначальная-то идея принадлежала ему.

Был это новый и не до конца ещё опробованный состав на основе старых Иезекииловых рецептов. Придуман для того, чтобы защищать руки при работе с горелками, едкими составами и острыми инструментами, когда надевать перчатки нежелательно или просто неудобно.

Сам профессор как раз и назвал его «рукавица золотаря», я же предложила чуть более изысканное «перчатка принцессы». Эверих согласился и сказал, что запатентует свою микстуру под этим именем, когда доведёт до ума. Если доведёт до ума, прибавила я. Иезекиил набросал основу, попробовал, где-то обжёгся, где-то разлил и едва не взорвал, утратил интерес, и доделывать, по своему обыкновению, предоставил мне. Сейчас и увидим, что вышло...

Я растёрла состав, ощущая, как он холодит ладонь. Кончики пальцев онемели, немного утратили чувствительность. Уксусный запах причудливо мешался с ароматом кофе. На побледневшей руке сильнее обрисовались вены.

— А что это, сударыня? — отхлебнув кофе, спросил Шаванн.

— Очищающее средство.

— Странный у него запах...

— Да, немного, — и я вытащила из чёрного бархата кольцо.

Сначала ничего не произошло.

На моей ладони лежало массивное золотое кольцо — прохладное, рельефное, тяжёлое. Вроде бы обычное. Но по спине вдруг прошла радостная, волнительная дрожь, словно в руке у меня на миг оказалась вся власть векового майората Вандервельт-Брокхольм. Это уже было когда-то, очень давно, в детстве, когда я впервые надела на палец кольцо.

Однако камень не менял цвет. То ли действовал чудосостав Иезекиила, то ли — и от этой мысли я похолодела — все свойства кольца были не более чем легендой, а мои собственные воспоминания — просто фантазией детства, которое всё расцветчивает ярчайшими красками. Пальцы задрожали, я чуть не выронила кольцо и непроизвольно сжала руку.

И тут самый край камня, у оправы, начал медленно краснеть.

Агат наливался красным винным цветом. Рисунок костра выступил из однородного тона — ещё немного, и это станет заметно. У меня замерло сердце. Однако состав всё же действовал, или кольцо Разбойника решило быть осторожнее,

но нарастание цвета остановилось. Я повернула оправу, не касаясь камня, и посмотрела изнутри на широкий золотой обод.

Там был вырезан старинный девиз рода:

«Огонь от самого сердца и сердце — горячее, как сам огонь».

III

Я сидела с сосредоточенным видом, ковыряя кольцо инструментами, протирая составами, то одним, то другим, делая в записной книжке разнообразные каракули, и лихорадочно соображала, как вести себя дальше. Украдкой глянула через плечо на третьего гостя.

Блондин сидел, сцепив руки под подбородком и подавшись вперёд — впервые на его лице появилось какое-то выражение. Так и есть, он внимательно смотрел на кольцо, и именно тогда, когда оно находилось у меня в руках. Но смотреть было не на что, с его места разглядеть эту лёгкую красную кайму почти невозможно.

Тишина затягивалась, пора было, как выразился Шаванн, выносить вердикт. Да и состав мог в любой момент испариться окончательно, и что тогда произойдёт, никому не известно.

Я вернула кольцо в футляр, стараясь, чтобы жест не выглядел слишком торопливым. Спокойно сообщила свои соображения, которые это кольцо могло вызвать у любого ювелира — вес, проба золота, описание камня, — и добавила:

— На печатке я вижу высеченный костёр. Эмблема сама по себе слишком известная, чтобы человек, имеющий отношение к драгоценностям, мог бы её не узнать. Герб рода Ван-де-вельтов, ведь так?

Шаванн с готовностью кивнул, словно ожидал это замечание.

— Какая-то невесёлая история, насколько я знаю. Кажется, семья разорилась, об этом ходило много слухов. Такое стремительное падение дома, будто рок над ними висел... — я вовремя остановилась. Ещё не хватало начать пересказывать всю историю.

Но история, кажется, и так не была тайной, потому что за спиной раздался бесстрастный голос:

— Расточительство, карточные долги и ряд неудачных вложений супругов Вандервельт. Банкротство как следствие. Подобный рок часто преследует людей, живущих не по средствам.

От такой наглости у меня чуть не отнялся язык. Шаванн, к счастью, в этот миг склонился к своей «дочке», говоря ей что-то на ухо, а я обернулась и негромко ответила:

— Вам, сударь, виднее. Как представителю торговли.

Он холодно улыбнулся, и я снова отвернулась. Отец семейства извинился и с готовностью уставился на меня, ожидая продолжения.

— Значит, их коллекция всё же пошла с молотка. Видимо, кольцо вы встретили в ломбарде или, что вероятнее, на аукционе...

— Совершенно верно, — подтвердил Шаванн. — На торгах.

— И во сколько оно вам обошлось, если не секрет?

— Восемьсот франков.

— Ясно... А много было желающих?

— Совсем нет, представьте себе. Вещь своеобразная, всё же не колье и не браслет... Как считаете, я переплатил?

— Нет, отчего же... Вы отдали ровно столько, сколько кольцо может стоить. Золото есть золото, и его здесь предостаточно. Когда оно в очередной раз подорожает, легко сможете обратить кольцо в деньги. Что касается художественной его ценности, — я изобразила на лице сомнение, готовое перерасти в уверенность, — лет через пятнадцать-двадцать, когда Вандервельты окончательно станут легендой, — надеюсь, это прозвучало бесстрастно, — всё, что имеет к ним отношение, может возрасти в цене. Я вполне это допускаю. Государственный музей вряд ли даст много, а вот в Королевский музей изящных искусств или Герцогскую галерею обратиться стоит, там хорошие оценщики и прочные связи с коллекционерами... Если надумаете продавать кольцо, моя визитка у вас есть, могу посоветовать ценителей на такие редкости. В любом случае, — я придвинула к гостю футляр, — имею все основания поздравить вас с этим приобретением.

Шаванн снова кивнул и заметил:

— Что ж, я услышал всё, что хотел.

— Полное письменное заключение будет готово послезавтра. Как вам удобнее его получить? — может, сам скажет, где они остановились в Бестаме...

— Это не к спеху, — покручивая жилетную пуговицу, от-

ветил Шаванн. — На обороте моей карточки есть номер почтового отделения в столице, туда направляют всю корреспонденцию, до востребования.

— Понятно... Встреча оправдала ваши ожидания? — спросила я.

— Безусловно.

Желание кольнуть блондина и хоть чем-то показать, что их шайка просчиталась, было таким сильным, что я не удержалась и обернулась к нему:

— А как насчёт ваших, сударь?

Тут в его взгляде мелькнуло что-то такое, что я пожалела о своём вопросе. Он понял. Разумеется, не всё, но достаточно.

— Она превзошла их, — последовал короткий ответ.

В комнате повисло явственное напряжение. Тишину прервал Шаванн:

— Вы принимаете чеки «Вогезы», сударыня? Да? Тогда разрешите воспользоваться вашими чернилами, — Шаванн порылся в портфеле и вытащил чековую книжку и перо.

— Разумеется, — я взяла со стола крохотную бронзовую чернильницу — очаровательную старинную вещь, ещё бабушкину, которую она всегда брала в дорогу. Поставила чернильницу перед Шаванном.

Он посмотрел на неё, и я тут же поймала странный косой взгляд, который мой торговец бросил в угол — туда, где сидел «сын».

— На чьё имя выписываю? — словно между делом спро-

сил гость.

— На предъявителя, сударь.

Пока он царапал в своей книжке, вошла Грета, взяла поднос и осведомилась, сварить ли новый кофе. Шаванн отрицательно качнул головой.

— Дорогая, гости скоро покинут нас, — сказала я, внимательно глядя на Грету. Это значило, что услуги уличной агентуры понадобятся с минуты на минуту.

Грета кивнула, сделала неловкий реверанс и потихоньку вышла.

Почтенное торговое семейство удалилось через пять минут, после обмена любезностями. Шаванн обещал предоставить мне самые распрекрасные рекомендации, я, в свою очередь, попросила прислать десяток его визиток, чтобы раздать друзьям, и сообщила, что все мои потребности в мануфактуре и галантерее отныне будут удовлетворяться исключительно в его магазинах. Если, разумеется, таковые существуют...

Как только за гостями закрылась дверь, я выбралась на балкон — мне вдруг показалось, что в номере очень жарко. Щёки горели, спина была мокрой от напряжения. Платье липло и царапало шею серебряной вышивкой. Негнущимися пальцами я расстегнула брошь и ослабила воротник.

С балкона было видно, как все трое вышли из дверей и остановились на площади. Барышня рассеянно оглядывала здание Биржи, «родственники» негромко беседовали. Шаванн нервно потирал свою опрятную лысину, на которой мне

бы очень хотелось написать всё, что я о них обоих думаю, а блондин стоял, заложив руки за спину, и спокойно что-то говорил. Его гладко зачёсанные волосы сияли на солнце, как лёд. Мимо прошли две дамы с ворохом покупок в ярких обертках — взрослая, но весьма привлекательная, со своей юной дочерью — и чуть не свернули шеи, оглядываясь. И что только эти сороки в нём нашли! Жаль, они не могли прихватить его с собой и утащить вместе со своими коробками...

У меня пронеслось в голове, что надо бы отойти, пока не заметили, но было поздно. Блондин внезапно поднял глаза и встретился со мной взглядом. Вежливо склонил голову и улыбнулся — дерзко, заговорщически, словно нас связывала какая-то общая тайна, известная только нам двоим.

Не ответив на поклон, я кинулась обратно в комнату и упала в кресло.

Кто же они такие, эти странные гости, и чего мне ждать от них дальше... Кредиторы? Я задержалась на этой мысли, но, подумав, отбросила её. Весь долговой процесс по таким случаям, как мой, детально описан в законе и всем известен. Векселя и прочие заёмные обязательства оплачены дворянским опекунским советом, так что на сегодняшний день я должна только ему. Претензии подлежали предъявлению туда же, и любой вменяемый кредитор знал, что быстрее и надёжнее обратиться именно в совет, а не бегать по всей стране за последним представителем обедневшего рода в тщетных попытках что-нибудь получить.

В то же время... В то же время это могли быть люди, имевшие с Вандервельтами какие-то личные счёты, о которых мне ничего не известно. Я потёрла горевший лоб. А вот здесь уже дело на порядок хуже... История и внешние сношения семьи всегда были довольно запутанными — у таких семей редко бывает иначе — с кем-то мы дружили, с кем-то соблюдали нейтралитет, а с кем-то бывали, как принято выражаться, во взаимном нерасположении. За столько лет могло накопиться море старых обид и недомолвок, а теперь, когда наша фамилия загнана в угол, момент для расплаты настал самый подходящий.

Я откинула голову на подголовник и закрыла глаза. Очень хотелось пить. В голове был дикий сумбур. От приподнятого настроения, с которым мы приехали нынче утром в Бестама, не осталось и следа. Снова вспомнилась Ванесса-Терезия, потом её... её уход, все беды-злосчастья, в которые меня с головой окунуло после спокойной жизни в родном доме. Вслед за этим перед глазами полыхнул костёр, высеченный на тёмно-красном агате. А дальше я опять увидела ту улыбку — любезно-наглую, оценивающую, улыбку моего, судя по всему, нового недруга.

Однако за всем этим я ни на миг не пожалела, что явилась сюда. Здесь, в Бестамае, я обязательно что-то найду для себя, какое-то продолжение истории...

Долой мрачные мысли! Ничего ещё не потеряно. Если это и вправду не какие-то шальные займодавцы, которые сами

не знают, чего хотят, а люди, всерьёз заинтересованные моей персоной, то сегодня всё только началось. И опасности будут поджидать не в Бестаме — вряд ли эти люди решатся на отчаянное дело в маленьком уважаемом городке, где каждый на виду — а на выезде отсюда. Значит, надо продумать обратную дорогу. Зря я не схватила тогда медведя за начищенный нос! Впрочем, толку-то — можно подумать, гости бы сразу в дверях сгорели со стыда, вернули мне кольцо и разбежались по домам...

Любопытно, успела ли Гретхен что-то предпринять.

За этой суетой я совсем забыла рассказать о своей камеристке, той самой, которая побежала устраивать слезку за гостями — занятие для камеристки необычное. Потому что и Грета была не из обычных горничных.

Бабушка заприметила рослую и плечистую девицу в одной из деревень Брокхольма.

Дочь старосты-кузнеца ещё в юном возрасте снискала громкую славу, в одиночку изловив двух заезжих грабителей. Встретила их на распутье, возвращаясь из города. Было Грете в ту пору лет шестнадцать-семнадцать, висельники эти её, ясное дело, не испугались, и хотели только отобрать телегу и лошадь. Однако девица без разговоров выхватила из сена топор. Одного скинула с моста в реку, второго оглушила колуном, связала и привезла в деревню. Этих разбойников разыскивали в провинции целый год.

Ванесса-Терезия, прослышав о такой brave девушке,

разыскала её и взяла под своё покровительство. А потом определила ко мне.

То, что положено уметь камеристкам и горничным — не про Гретхен. Из шитья она может разве поставить заплатку на свой наряд. Из готовки — пристойно подать кофе или чай. Просить сервировать что-то посложнее не стоит, так как Грета раз и навсегда решила, что для еды существует одна вилка, одна чашка и одна ложка. В крайнем случае — нож, но это, знаете ли, только для особо торжественных приёмов.

Когда затягивает мне корсет — только следите, чтобы рёбра уцелели. А однажды на неё что-то нашло, и Грета попыталась меня причесать; я глянула на то, что получилось, и сказала, что в таком-то виде могла бы смело заявиться к костру первого Вандервельта. Тогда никаких святых бы не понадобилось, знаменитый разбойник сам бы перепугался до смерти и кинулся в ближайший монастырь...

Моя камеристка ничуть не обиделась и заявила, что даже у самых расчудесных самоцветов бывают изъяны, и кому, как не мне, это знать. Зато Гретхен неплохо дерётся и стреляет из пистолета — и делает это очень быстро, гораздо быстрее меня. Правда, в цель я попадаю чаще, но это уже мелочи. Отлично считает — ни одному лавочнику её не провести. А в случае чего не постесняется учинить скандал, а то и схватить жулика за воротник. И если оставшиеся Вандервельты в моём лице ещё не пошли по миру, в этом есть немалая её заслуга...

...Я так углубилась в свои воспоминания, что не сразу услышала, как стучали в дверь. Деликатный, но торопливый стук повторился.

За дверью стоял служащий гостиницы, и, право, когда мы по прибытии вписывались в его реестр, глаза у молодого человека были значительно меньше. Он срывающимся голосом сообщил, что внизу меня требует какая-то дама.

— Я никого не жду, но пусть поднимется, в чём же дело?

— Да вы что, сударыня! — всплеснув руками, воскликнул тот. — Понимаете ли, это очень грубая, неопрятная, оборванная дама! От неё, простите, неприятно пахнет, а она в таком виде станет разгуливать по гостинице... Вы представляете себе, что будет, если вдруг сунется в чей-нибудь номер?

— Вы не ошиблись? — прервала я. — Посетительница точно ко мне?

— Сударыня, — уже раздражённо ответил он, — но здесь нет других Элен Альяни с камеристкой!

Тут только я поняла, кто это может быть, и опрометью кинулась вниз. Служащий нервно скакал следом, всё бормоча про «беспокоить посетителей» и «разгуливать по гостинице».

Вбежав в вестибюль, я ахнула. У дверей, отделанных красным деревом и бронзой, стояла моя Грета, кто же ещё, но в каком она была виде! В огромной шляпе с выцветшими лентами, рваных башмаках и лохмотьях, которые никак не мог-

ли быть остатками её платья, даже сцепись она с дюжиной босяков. Увидев меня, Грета радостно заулыбалась и взмахнула пустой кружкой.

В одно мгновение я перебрала десяток возможных приключений, в которых она могла приобрести такой убийственный гардероб, но все они никак не соединялись с нашими гостями. Бросив это бесполезное дело, я стремительно перешла в нападение:

— Вы не узнали мою камеристку? — несчастный служащий отпрянул. — Да по какому праву вы держите её в дверях?! Тоже мне — прекрасное обслуживание! Вычеркните это из своих буклетов!

— Но, мадам... Мадам! Как же она ходит так по улицам? — сначала смущённо и неуверенно, но потом громче заговорил он, а увидев, что я пыталась ее впустить, окончательно осмелел: — Нет-нет-нет, сюда нельзя! Великодушно извините, но вы распугаете всех гостей! Какой невиданный скандал!

— И что в таком случае вы предлагаете? Пожить за наши же деньги на улице?

— Через чёрный ход! Только через чёрный ход! На вас уже обращают внимание!

Если на нас кто и обращал внимание, так исключительно по его милости — надо же так кричать...

— Через чёрный, так через чёрный, — я королевским жестом вручила служащему франк, за что Грета тоже была названа «мадам», но через главный вход всё же не допущена,

— но я это запомнила!

Чёрный ход вёл с заднего двора гостиницы, и попасть к нему можно было, лишь обогнув здание и пройдя в узкую неприметную арку. Не зная точно, где расположена эта дверь, просто так не найдёшь — это следовало запомнить.

Мы поднялись по лестнице, стараясь не попадаться на глаза гостям, юркнули в номер, и я снова распахнула дверь на балкон — теперь уже потому, что дух нарядов Гретхен начисто перебивал и запах сухой лаванды, разбросанной в комнате, и лёгкий шлейф одеколонов, который держался после наших гостей.

Да где в элегантном и чинном Бестаме она умудрилась раздобыть всё это? И зачем?!

— Сними свои тряпки, будь добра! Живее, живее!

— Мадам, я только расскажу, что было...

— Немедленно! — воскликнула я. — А то задохнёмся!

Гретхен фыркнула, удалилась в другую комнату, и через минуту вышла в обычном своём платье.

— Лохмотья куда дела?

— В ваш чемодан, вдруг пригодятся... — увидев моё лицо, она быстро заверила: — Я пошутила, пошутила! Завернула в узел, потом снесу на задний двор.

— Вот так. Теперь рассказывай! — приказала я, садясь на подлокотник кресла.

Известия Гретхен принесла неутешительные.

Подал кофе и выскользнув из отеля, она без труда нашла нескольких мальчишек, которые крутились вокруг — разносчика фруктов, газетчика и курьера из рассыльной конторы. Договариваться с такой публикой она умеет. Предложила половину франка — в подобных условиях эта плата считалась приемлемой. Молодые люди согласились на сделку и заняли посты наблюдения.

Однако когда гости вышли, вся агентура, увидев, кого придётся выслеживать, наотрез отказалась. И даже повышение ставки не возымело обычного действия. Причём Грета была уверена, что перепугал их именно блондин, с которым ни один из них не пожелал связываться, а тем более — быть уличённым в слежке.

Торговаться дальше или разыскивать новые варианты было некогда, а предпринять что-то — необходимо. И тут с задворок какого-то заведения вышла старушка с тележкой тряпья и старых книг. Подлетев к старьёвщице, Грета купила самое ветхое и потрепанное, что было, нацепила на себя и ринулась за подозрительными гостями сама.

Представив себе мою камеристку гренадёрского роста, которая бодро скачет по нарядным улицам в таких лохмотьях, я в ужасе привстала с кресла.

— Да если ты сейчас начнёшь врать, что они ничего не заметили, гляди у меня!

Грета с торжествующим видом подбоченилась:

— Ха! Как бы не так!

— Как бы не так — что? Не будешь врать, и они тебя увидели?

— Конечно, увидели, я ж за ними по пятам шла! Да не бледнейте вы так, они меня не узнали, зуб даю! А ваш бакалейщик подал мне монету и купил у торговца бокал глинтвейна...

— Сердобольный какой. Дальше как было дело?

— Дальше выпила я его, конечно. Кислятина ужасная. Даром — и то ладно...

— Я не про это, — нетерпеливо прервала я. — С бакалейщиком... тьфу, с галантерейщиком мы разобрались, а тот, второй...

— Белобрысенький? — переспросила Грета. — Да он на меня и не глянул.

— Допустим. Но ты всё равно рисковала.

— Да! Я пошла, как говорится, ва-банк!

— Роковая женщина... Удалось узнать, где они квартируют?

Гретхен это удалось, и она толково объяснила, на каких улицах проживали торговец мануфактурой и его дочь, а на какой — сын. Жили отдельно, как и положено людям «из одной семьи», с мрачным удовлетворением отметила я. Гости разошлись около особнячка в самом начале Променада, и Грета уже разузнала у привратника, что это доходный дом, который был снят дня три назад. Шаванн с девицей вошли в двери особнячка, а блондин скрылся в одной из гостиниц

за Колоннадой.

— Совсем простенькая гостиница, — прибавила Грета. — Видимо, пансион для бедных...

Я недоверчиво покосилась на нее:

— А название запомнила?

— Нет... Какими-то мелкими неприметными буквами было написано, не то, что у нас — всё золотое. Я же говорю — для бедных. Там ещё лошадь стоит перед дверями.

— Лошадь? — переспросила я. — А не лось?

— Может, и лось. Да, какие-то рога там вроде были.

А, ну тогда всё понятно. Бронзовый лось у входа, первая линия за Колоннадой. «Пилястр». Богатство у Гретхен устойчиво сочеталось с золотом, блёстками и яркими цветами, так что если фасад не похож на пряничный домик, то приличным людям там делать нечего.

— Я пыталась зайти внутрь и разузнать, где именно он поселился, — сказала Грета. — И, догадайтесь, что произошло?

— Видимо, тебя туда не пустили, — со вздохом ответила я.

— Ну не безобразие ли?

Я прошлась по номеру, потирая лоб. Густой бурелом в голове медленно редел, появлялись кое-какие просветы... Ничего определённого, правда. Я взяла с туалетного столика флакон, вытащила гранёную пробку, покатала её в пальцах и вдохнула любимые духи, как частенько делала, если что-то

не ладилось. Свежий горьковатый запах мигом охладил голову. Я повернулась к Грете, которая не спускала с меня глаз.

— Вот что мы сделаем, сокровище. Напишем письмо Шаванну. От твоего имени. В письме будет следующее... — я помолчала, соображая. — Ты скажешь, что имеешь важные сведения о своей хозяйке. Твоя госпожа — вовсе не та, за кого себя выдаёт, и ты готова за умеренную плату...

Грета всплеснула руками.

— Да за кого вы меня принимаете!

— погоди ты! — я присела рядом с ней. — Надо под каким-то благовидным предлогом явиться к нему в дом. Поговорить с глазу на глаз. Может, удастся выведать, кто они такие и зачем им всё это... И откуда у них наше кольцо. — Дипломатические способности никогда не были сильным местом Греты, но сейчас выбирать было не из чего. — В письме ты попросишь Шаванна о встрече. Напишешь, что хочешь встретиться с ним, и непременно один на один, поскольку хозяйка твоя страшная женщина, и если что узнает, то тебе не жить.

— И что же я буду говорить при встрече? — морща брови, спросила Грета.

— Говорить будешь то, что обычно плетут про господ за спиной — разную чушь. Допустим, у тебя есть подозрения, что я обманываю с жалованьем, пользуясь тем, что ты неважно считаешь. Тебе не нравятся мои заказчики, ты работаешь как сумасшедшая, а я только и знаю, что придираюсь по лю-

бому поводу... Пусть Шаванн думает, что ты просто вздорная горничная, которая вознамерилась продать свои сплетни. Но прямо уличить тебя ему будет не в чем, мало ли на свете таких камеристок... Твоя задача — разговорить его, вытащить из него хоть что-то, хоть след какой-то! А получится, так и узнаешь, где они прячут кольцо... — тут я с сомнением посмотрела на нее.

— Но если идти, так может, к этому белобрысенькому? — уточнила Грета. — Мне так показалось, он-то поглавнее будет.

Ага, значит, и у неё сложилось такое же мнение.

— Честное слово, мадам, я уж постараюсь одеться поприличнее... — добавила она.

— Кольцо было у Шаванна. Возможно, оно и сейчас у него. Да и с белобрысым тебе не справиться, раскусит в момент, — после паузы добавила я. — Сбегай лучше вниз, на стойку, спроси чернила и конверт. Только самый простой, без гостиничной печати...

Когда Грета вернулась, я усадила её за стол и кратко повторила, что именно ей следовало написать. Моя барышня покивала и написала — криво, косо и с кляксами изложив основную мысль. Грета, конечно, старалась, но опыта плетения интриг и составления разных двусмысленных посланий у неё явно недоставало. Я пробежала глазами её письмо и поморщилась.

— Ну что же это, Грета!

— Письмо, мадам...

— Так ведь не записку мяснику пишешь! Ты, камеристка из хорошего дома, вздумала написать донос на свою госпожу! Умному человеку! Да так, чтобы он тебе поверил и согласился на встречу!

— Да что не так-то?

Я вслух перечитала катящиеся вниз строчки:

— «Уважаемый господин торговец! Дозвольте принести жалобу на свою хозяйку. Вредная она, нахальная и бесовестная. Жалованье не доплачивает, иногда и гроша не допросишься, измотала работой, даже с ухажёром некогда встретиться. Заказчики у неё такая голь, что и сказать стыдно, хоть бы раз на чай дали...» Вот куда это годится, скажи мне! Кому будет интересно?

Грета смотрела на меня во все глаза и не понимала, в чём дело и что мне не нравится. Я со вздохом сказала:

— Так... Вот здесь, в правом нижнем углу конверта: «господину Шаванну, строго в собственные руки». Готово? — я снова взяла пробку от флакона, покатала между ладоней и положила на стол. — Диктую. Пиши...

«Сударь!

Особу, написавшую это письмо, вы видели сегодня мельком во время своего делового визита. Должна предупредить — дама, с которой вы встречались, кое-что поняла.

Подробностями указанная особа готова поделиться, но в

обстановке полнейшей тайны. В противном случае последствия будут плачевными, а мои услуги — как знать? — ещё могут пригодиться.

Для ответа: гостиница «У двух медведей», до востребования Г.»

Грета с восхищением перечитала письмо, не веря, что приложила руку к этакому шедевру. Ну прямо ни дать ни взять — трактат о движении небесных светил... Я смотрела на это не так радужно, однако изложенное, как мне казалось, звучало убедительно.

— Всё. Заметила — есть на том доме почтовый ящик? Если есть, бросишь туда, нет — отдай привратнику.

— Так ведь торговец поймёт, что я за ним следила!

— Конечно, поймёт. Вот и хорошо, пусть знает, что ты особа ловкая и беспринципная. Дай клей, будь добра. Спасибо, — я заклеила конверт и положила под пресс-папье с гостиничным гербом. — А то за хозяйкой она шпионить не стесняется, а за чужим человеком, видите ли, стыдно! Держи. Одна нога тут, другая там. Пусть Шаванн получит его уже сегодня и быстрее решает что-нибудь. Нам здесь расслаживаться не по карману...

Гретхен выхватила из шкафа накидку и от спешки сунула руку не в тот рукав.

— Да, мадам!

— Вернёшься — буду ждать тебя на той улице, у Биржи,

отправимся ужинать.

— А куда ужинать пойдём — к Колоннаде?

— К Колоннаде! Нам-то как раз и надо поискать место для бедных, как ты выразилась. Будем питаться в ресторане гостиницы — так в следующем месяце опекунский совет рискует остаться без процентов. Не думаю, чтобы ему это понравилось...

Грета выскочила из номера, и я услышала в коридоре её топот, приглушённый коврами. С балкона было видно, как она пронеслась через площадь, вспугнув стаю голубей. Я обернулась в комнату, ещё раз оглядела наше временное, весьма неплохое, должна заметить, пристанище. И тут вспомнила странный взгляд, которым Шаванн обменялся с блондином, когда выписывал чек. Что-то они как будто заметили... Что-то поняли.

Я обошла комнату, внимательно осматривая каждый уголок. Шкафы закрыты, дверь в соседнюю комнату — тоже. Все мелочи с туалетного столика убраны в несессер, на нём никаких монограмм. Я опустилась в кресло, где сидел блондин, ещё раз оглядела комнату уже оттуда. Туалетный столик с зеркалом, диван, ещё кресло, стол...

Стол.

Моя чернильница. Точнее, бабушкина. Круглая бронзовая чернильница, украшенная речным жемчугом. Бледно-розовые жемчужины были неровные и разного размера, как и положено природному жемчугу, и удивительно сочета-

лись с бронзовым плетением, отчего вещица выглядела одновременно и старинной, и по-дамски изящной.

Сами жемчужины всегда казались вставленными без какого-либо рисунка, но теперь я вдруг увидела, что рисунок всё же был, только выступал под определенным углом. Бело-розовые капли складывались в старый, вековой давности шрифт, к нашему времени уже почти вышедший из употребления и применявшийся только на официальных документах. И на бронзе чернильницы он рельефно изображал... Литеру.

Литеру «В».

Как помнилось, от Биржи до Променада можно пробежать минут за семь, так что Грета должна вернуться совсем скоро.

Я спустилась вниз, оставила ключ на стойке и вышла из гостиницы. Обошла здание Биржи и села на скамью под липами, не сводя глаз с часов на башенке. Стрелка ползла еле-еле, и когда часы наконец звякнули, показывая четверть часа, я даже вздрогнула. Моей камеристки не было.

Из дверей Биржи один за другим выходили служащие. За зеркальными окнами первого этажа неторопливо ходили официанты, раскладывая серебро на белоснежных скатертях. Часы на башенке звякнули ещё четверть часа. Грета не появилась.

Я поднялась со скамьи и направилась в сторону Променада, раздумывая, с чего начать. Номер доходного дома Грета

та не сообщила, но где находится «Пилястр», я и так знала. Сейчас на ходу придумаю какой-нибудь предлог, а может, выцарапаю глаза блондину и безо всякого предлога... Со своим нахальным оскалом он уже на это напросился.

Шла я всего-то минуты две, но за это время в голове пронеслось с десятков разных мыслей о том, где сейчас могла быть Грета, и каждая казалась ужаснее предыдущей. Самым безобидным было предположение, что камеристка моя сидит под замком в преступном притоне и сочиняет подмётное письмо наподобие того, что сама пыталась вручить...

Свернув за угол, я остолбенела.

Эта негодяйка стояла перед витриной кондитерской лавки и с интересом рассматривала банки с леденцами. Мысли её, судя по всему, были далеки от моих дел.

— Да ты никак смерти моей хочешь? — возмутилась я.

Грета вздрогнула, увидев меня в витрине, и обернулась.

— О! Мадам! Смотрите — леденцы из белой черешни! Да ещё из крыжовника! У нас дома такие же делали.

— Ты у меня сейчас таких леденцов получишь, на неделю хватит! Сказано же было — одна нога здесь, другая там! — от негодования я чуть на крик не перешла. Увидел бы кто нас в этот момент, так и сомнения бы не возникло, что хозяйка у Греты настоящая мегера... Но я и вправду за неё испугалась. — Ты где пропадала?!

— Как где? Я исполнила ваше поручение в лучшем виде, мадам!

— Благодарю, — я выдохнула. — Идём быстрее...

Пока мы шли в сторону от Биржи, Грета рассказала, что добежала до особняка, где квартировал наш торговец, безо всяких приключений. Постучалась в окошко и отдала привратнику письмо, наказав передать строго в руки жильцу.

— Теперь, наверное, сидит читает, — заключила она.

Будем надеяться, что так оно и есть. Мы вышли на улицу Менял, оттуда на зелёную и холмистую городскую окраину. Бестам здесь утрачивал свой лоск модного курорта, и местами напоминал обычный городок. У крепостного вала с давних времен распродавали по бросовым ценам овощи и рыбу, не проданные на рынке, тут же их покупали владельцы заведений и готовили такие блюда, что никакому ресторану и во сне не привидится. Где-то варили говяжий бульон с мясными клецками, где-то — суп в хлебных горшках, где-то жарили на углях рыбу. На дороге играли скрипачи. Так что ведьма-хозяйка и камеристка-доносчица неплохо провели время.

Возвращались к «Двум медведям» уже в сумерках, когда на игрушечных чистых улочках загорались газовые фонари.

Служащий за стойкой разбирал почту. Увидев меня, он вежливо кивнул и повернулся к полке с ключами — видимо, после Греты хорошо запомнил, в каком номере проживали эти престранные дамы. Я облокотилась о стойку и глянула на пачку корреспонденции, лежавшую рядом с гостиничным реестром.

Из писем с марками и штемпелями разных городов торчал неприметный серый уголок безо всяких оттисков и других опознавательных знаков. И тут же взгляд выхватил пометку, сделанную аккуратным убористым почерком: «У „Двух медведей“, до востребования, для Г.»

Я через силу отвела глаза от стойки и осведомилась насчёт письма, адресованного до востребования. Служащий с готовностью покивал, выудил его из пачки и вручил вместе с ключом. От нетерпения мне было даже не дойти до номера, чтобы спокойно распечатать и прочитать — я отошла на шаг от стойки, разорвала конверт и пробежала глазами короткое: «Завтра в шесть вечера, Променад, 2.

Привратнику сообщите, что принесли вексель для нового жильца, и вас пустят».

Это было похоже на Шаванна, очень похоже. Писал человек, основательно поднаторевший в таких вопросах — осторожно, кратко. Без имен. И замысел мой, кажется, удался. Я вздохнула и улыбнулась. Завтрашний день много чего обещает...

В номере было темно, спокойно и тихо. На фоне догорающего заката рисовалась башенка Биржи с циферблатом, тускло блестящим в свете фонарей.

Пока Грета чистила и развешивала по шкафам одежду, напевая что-то из любимой оперной арии, я села за обещанное заключение — как-никак, оно было уже оплачено. Номерным чеком «Вогезы». Я прекрасно знала их тиснение и водя-

ные знаки, этот надёжный посредник обслуживал и мой счёт. Если нам вправду попались мошенники, то нужное впечатление они в любом случае произвести умеют.

Я привычно вывела на листе дату, место составления заключения и название, на миг задумалась, а дальше не отрывалась от бумаги с четверть часа. Мне казалось, я сухо и спокойно излагаю свои соображения, как обычно в документах, но когда перечитала, сама обомлела.

Заключение начиналось ровно так, как всегда — используемые инструменты, описание кольца, примерный вес камня и оправы, время создания кольца, вид и способ нанесения гравировки на внутренней стороне оправы, царапины и сколы на печатке...

На второй странице сухой документальный слог плавно переходил в романский.

Началось с описания случаев, когда эти самые царапины и сколы появились. Далее приводились известные юридические похождения кольца, включая старые договоры залога, кражи и возвраты хозяевам, история о скандальной попытке присвоить кольцо — случилось такое полвека назад, — окончившаяся фамильным запретом на все отчуждения именно этой драгоценности. Изложено всё было в лучших традициях «Кровавого истока».

Документ заканчивался страстным негодованием по поводу судьбы, постигшей кольцо, и смутными угрозами в адрес его нынешних «владельцев».

Я поскребла затылок. Да, в Ювелирной палате такое заключение вряд ли кто бы одобрил... Всё, спать. Завтра перепишу.

IV

На следующее утро мы как следует выспались перед важным делом, в самом радужном настроении спустились к завтраку, потом вышли на прогулку. Перепробовали воду из всех бюветов, обошли сувенирные лавки, обзавелись знаменитыми местными кружками для минеральной воды, парой открыток. Часок посидели на Колоннаде. В общем, вели себя как заправские отдыхающие, которые приехали на модный курорт ради приятного безделья. В театр, правда, не попали — на сегодня все билеты были распроданы.

Однако по мере того, как приближался вечер, а с ним и назначенное время для свидания, настроение заметно падало. Я начинала беспокоиться за эту наспех задуманную авантюру, и отпускать Грету одну совсем не хотелось...

Когда часы на Бирже пробили пять, я сказала:

— Ты не пойдёшь.

— Чего это? — удивилась Грета.

— Опасно.

Вот этого точно не стоило говорить! У Гретхен загорелись глаза — перед её взором встали былые подвиги с поимкой грабителей и последующей отдачей их под суд. Только теперешняя обстановка, моё «воспитание» и наши необычные гости придавали этим похождениям оттенок более тонкий, великосветский. Ну прямо роман, совершенный роман!

«Крoвaвый истoк Вaндeрвeльтoв», чaсть втoрaя...

— Дa вы нe вoлнуйтeсь, мaдaм, ничeгo этoт тoргoвeц мнe нe сдeлaeт! — зaявилa Грeтa, рeшитeльнo пoдбoчeнившиeсь.
— Еcли чтo, рaзoбьeт oкнo и буду кричaть нa вcю улoцу, чтo oн хoчeт мeня oбeсчeстить!

Прeдстaвив эту кaртину, я рaсxoхoтaлaсь — мoя кaмeриcткa и мaлeнький интeллигeнтный Шaвaнн. Емy тaкoe и в cтрaшнoм снe бы нe привидeлoсь. Гoрькo пoжaлeет, чтo вo oбщe ввязaлcя в этo дeлo.

— Хoрoшo, будь пo-твoeму, cокрoвищe. Нo пoйдeм вмecтe.

— Вмecтe тaк вмecтe, — вeликoдушнo cоглacилaсь Грeтa.
Из гocтиницы мы выбрaлиcь пooдиoчкe и нaпpaвилиcь к Прoмeнaду рaзными улoцaми.

Я зaшлa в нecкoлькo лaвoк, тoргoвaвших мeлким тoвaрoм, пpoгулялaсь пo улoцe Мeнял. Брoсилa мoнeтку нa cчacтьe в фoнтaн — пocлe тoгo, кaк я прeнeбрeглa cвepкaющим нocом мeдвeдя, втoрoй рaз риcкoвaть нe cтoилo. Кaмeниcтoe днo чaши былo уceянo мeдью и cеребрoм. Брoдяг в Бecтaмe нeт, выгрeбaть нeкoмy, тaк чтo этo дoбрo, пoхoжe, кoпитcя тут гoдaми. Я co вздoхoм глянулa тудa, пpикидывaя, хвaтилo бы мнe нa пpoцeнты или нeт, и пoшлa дaльшe.

Кoрoткий пepeулoк пpивeл мeня пoд aркy, в нaчaлo Прoмeнaдa.

Вoт oн, этoт дoм. Aккyрaтный жeлтый ocoбнячoк в двa этaжa, c витыми кaрнизaми и ящикoм кpacных пeтуний пe-

ред дверью выглядел мило. Зато сама дверь — тяжёлая, с бронзовым накладным орнаментом — мне определённо не понравилась. Почему-то явственно встал перед глазами пудовый засов, с грохотом падающий на петли.

Я скользнула взглядом по окнам второго этажа. Кисейные занавески, на подоконниках цветущая герань. Всё опрятно и тихо. Никого. А впрочем, что я ожидала увидеть? Как Шаванн, сверкая золотыми очками, караулит улицу в ожидании моей интриганки?

Невидимые часы низким, гулким звоном начали отбивать время. Пробило шесть раз.

Из соседнего переулка вышла Грета и приостановилась, озираясь.

— Гретхен, эй, Гретхен! — тихо позвала я. — Сокровище!
— А, мадам! Ну, я пошла!

Однако здесь произошло нечто совершенно неожиданное: дверь дома распахнулась, и оттуда выскочил... сам Шаванн. Вслед за ним выбежал пожилой человек в ливрее, который мог сойти за привратника. Торговец-нотариус был вскочен, растрёпан, свой прекрасно сшитый пиджак он оставил дома и теперь лихорадочно застёгивал жилет. Шаванн наскоро пригладил редкие волосы и кинулся куда-то в конец улицы. Привратник — за ним.

У меня подскочило сердце. Лучший момент нельзя было даже представить. Улочка, на которой ни души, и открытая дверь в дом, где, возможно, прямо сейчас безо всякого над-

зора лежит именно то, что нам нужно!

— А ну-ка бегом! Бегом, Грета!

На миг в голове мелькнуло, что случай был очень хорош, просто подозрительно хорош, но если так думать, лучше уж сидеть на месте и ждать — вдруг кольцо поднесут на блюде с золотой каймой...

В передней было темно. Громоздились вдоль стен шкафы, тускло блестела перилами лестница, выступая из полумрака. Канделябры в виде утиных голов лукаво перемигивались, ловя свет из щелей в ставнях. Зеркало в овальной раме отразило мое настороженное лицо. Я заправила выбившуюся прядь волос и по привычке оглядела бронзовые завитки рамы — переплетение дубовых листьев и желудей. Начало прошлого века, если не подделка. Наш галантерейный любитель древностей устроился весьма неплохо.

Тишина. Только тикали часы да раздавался на соседней улице визгливый голос газетчика.

— Постарайся не топать! — шепнула я и взбежала на второй этаж.

Коридор тоже не освещён. Странно — будто во всём доме ни души. На этаже две двери, одна заперта — ручка не поддалась — а из-под второй пробивается узкая полоса света... Я прошла по ковру, ступая осторожно, медленно, прислушиваясь, не скрипнет ли половица. Но хозяин, кажется, недавно менял полы — ни малейшего звука они не издавали. Прямо мечта взломщика, кто ж так делает...

Я сделала Грете знак остановиться и потянула на себя дверь. Она не была заперта, только прикрыта. Шаванн выбежал впопыхах и собирался скоро вернуться.

За дверью был рабочий кабинет, отделанный тёмно-зелёным штофом. На стенах — пейзажи с видами Среднегорья. Из окна падал яркий предзакатный луч, освещая письменный стол с разбросанными бумагами и гранёной стеклянной чернильницей.

Мы переступили порог.

— Как думаете, надолго выскочил? — хрипло спросила Гретхен.

— Кто — Шаванн? Вряд ли. У нас минут пять, не больше... Встань с той стороны двери. Если вдруг вернётся, ки-нешься ему в ноги и начнёшь кричать, что хозяйка всё узна-ла, избил тебя до полусмерти и готовит нападение на дом. А я...

Тут в полнейшей тишине раздался звук, от которого я по-леденела. Дверь скрипнула и с лёгким стуком закрылась.

— Попрошу без глупостей, — раздался негромкий знако-мый голос. — А то рискуете получить пулю.

V

Из темноты угла, прямо за дверь, вышел один из наших гостей... И это был вовсе не отец почтенного семейства. Обознаться, увы, не представлялось возможным.

В его внешности ничего не изменилось, выглядел он так же безупречно, и смотрел с тем же бесстрастным выражением. Только на столе перед ним лежал пистолет. Небольшой, похожий на игрушку, но на близком расстоянии способный снести полголовы.

— Добрый вечер, — спокойно сказал хозяин. — Вы пунктуальны.

— А вы очень любезны, — ответила я. Голос, к счастью, звучал не так хрипло, как у Греты. — Всех гостей так встречаете?

— Это смотря какие гости, мадам. Но по большей части так и встречаю. А теперь вы, сударыня, — блондин кивнул Грете, — выйдете и подождёте внизу.

— Ещё чего! — возмутилась та. Помимо прочих обязанностей, Грета считала святым своим долгом беречь мою честь, а обстоятельства выглядели подозрительно...

— На этот счёт можете быть спокойны, — он насмешливо улыбнулся. — Однако у вас высокие отношения. То строчите на госпожу доносы, а то — такая трогательная забота.

— Перестаньте издеваться.

— Я даже не начинал, уверяю вас. Выйдите, — повторил он Грете. — Я хочу поговорить. Пока — только поговорить.

— А не боитесь, что она побежит в полицию?

— Скатертью дорога. Только придётся объяснить, как вы оказались в чужом доме.

— Выйди, Грета, — сказала я, кусая губы. — Здесь ты не поможешь.

— Я буду рядом, — угрожающе предупредила она и топала к двери. Напоследок задержалась, попыталась испепелить его взглядом, но вышла. Дверь за ней была тут же заперта на замок.

Мы остались вдвоём в пустой комнате. Солнце, ярко полыхнув, ушло за мансарду соседнего дома, и теперь углы кабинета тонули в полумраке.

С полминуты стояла тишина. Блондин спокойно, но с явным любопытством меня разглядывал — я видела это краем глаза, потому что смотрела в сторону, изо всех сил делая вид, что мне всё равно. Наконец он нарушил молчание:

— Ваше возмущение выглядит так убедительно... Ещё немного — и я поверю, что у вас есть для него все основания.

— А вы считаете — нет ни малейших?

— Даже если есть, они не такие веские, как кажется. Хотя на вашем месте я и сам бы потребовал объяснений. Так что на сей раз обойдёмся без визитов в полицию и прочих взаимно неприятных вещей. Поговорим, как...

— ...старые добрые друзья, — с возможным ядом ска-

зала я.

— Вовсе нет. Как люди, которым есть что обсудить, — он наконец-то убрал свою убийственную игрушку. — Вы очень порадовали меня своим письмом. Задумка неплоха — видимо, опыт в подобных вещах имеется, только упускаете из виду существенные детали. Сложно поверить, что ваша прелестная камеристка смогла написать такое изящное иносказательное послание...

— Не надо оскорблять мою...

— ...от которого шёл запах ваших духов. Очень узнаваемый и очень вам идёт. — Комплимент был оставлен без ответа, и хозяин продолжил: — Для начала будьте любезны выложить на стол всё, что принесли.

— Бумажник, украшения?

— Вы знаете, о чём я. На Вандервельтах записана пропасть разрешений на оружие, и у меня нет желания проверять, какие из них действующие.

Я не двинулась, и он, не повышая голоса, резко спросил:

— Мне самому вас обыскать?

— Не утруждайтесь, — я щёлкнула замком сумки, вытащила маленький «Леонард Мессер», оправленный в перламутр. — Надеюсь, не сломаете.

Блондин глянул на него, улыбнулся то ли насмешливо, то ли одобрительно. Затем быстро и умело разрядил. Повернул рукоять и рассмотрел гравировку с моим настоящим именем.

— То чернильница с монограммой, то более серьёзные вещи... — он бросил пистолет на стол. — Собирались пустить в ход сегодня вечером, не так ли?

— Судя по ситуации, — сухо ответила я. — Мне неизвестно, с кем имею дело.

— Тогда самое время познакомиться. Эрик.

— А дальше?

— Меня устроит обращение по имени. Забавно... Так вот как вы выглядите на самом деле.

— А вы, надо думать, как-то меня себе представляли, — я забрала «Леонард». — И как, если не секрет? Солидной дамой в возрасте?

— Нет, отчего же — я знал, сколько вам лет. Просто думал, что вы окажетесь немного красивее...

— Очень рада, что вы разочарованы, — отрезала я. — Мне вас совершенно не жаль.

Я почувствовала, что краснею, да и досада в голосе слышалась явственно, что было вовсе не к чему. Эрик подошёл ближе. Теперь нас разделяла только высокая спинка стула.

— А я, знаете ли, не разочарован. Мне казалось, вы гораздо менее интересны. Ожидал, что будете похожи на нашу Луизу. Очень мила. Ни на шаг от моды. Словом, такая же, как все. — Он сменил тон на деловой и продолжил: — Я так понимаю, смысла темнить нет, кое-что вы и так поняли. Как думаете, кто такой Шаванн?

— Рискну предположить, что нотариус.

— Правильно. Я видел, как вы глянули на его часы, и понял, что гравировку заметили. Ну что же — да, Густав Шаванн является нотариусом Королевской нотариальной палаты, и должен был удостоверить, кем в действительности вы являетесь.

— Для чего?

— Пока — только удостоверить.

— Основания у него, согласитесь, были бы странные.

— Соглашусь. Но бывали прецеденты установления факта путём выявления неоспоримой цепочки других фактов, и ваше кольцо в такой прецедент укладывается, — он отодвинул кресло. — Описание перстня содержится в официальных документах, и то, что записал бы Шаванн, могло стать доказательством. Не желаете присесть?

— Мне удобно и так.

— Как знаете. Хотя беседа предстоит долгая. Возможно, вашей обворожительной горничной стоит устроиться тут на ночлег.

— Оставьте уже этот мерзкий тон. Кем вам приходится ваша «сестра»?

— Луиза? Секретарша Густава. Должна была отвлечь внимание, переведя ваши мысли в мирное русло. Судя по всему, не слишком удачно с этим справилась.

— Как раз она-то справилась. Завалили всё дело вы.

Эрик приподнял бровь.

— Да? И каким образом?

— Самым откровенным. Тоже мне — сын торговца. Кстати, про себя вы так ничего и не сказали. Кто вы такой?

— Сейчас это неважно. Про нашу компанию вы узнали предостаточно, теперь поговорим о вас. Итак, госпожа Альяни, она же Анна-Леста Вандервельт, обманным путём явилась сюда, чтобы разузнать кое-что насчёт своих гостей, — он помедлил, ожидая, что я выйду из себя, не дождался и продолжил: — а если подвернётся случай, то и выкрасть кольцо. Знаменитое кольцо Разбойника.

— Выкрасть? — переспросила я.

— А вы собирались открыто его потребовать?

— Это слово предполагает, что берут чужое. А кольцо Разбойника относится к фамильным реликвиям дома Вандервельтов, и согласия на передачу его в другие руки не было. Мне об этом неизвестно, а единственным наследником всего состояния, — я запнулась, потому что слово «состояние» в значении того, что сейчас имелось, звучало нелепо, — являюсь я. И только я.

Эрик облокотился о спинку кресла и вкрадчиво произнёс:

— А оно указано в вашем свидетельстве о праве на наследство? Указано, мадам? — с нажимом повторил он.

Вот ведь подлец!

— Судя по всему, вы знакомы с наследственным делом, — заметила я.

— В общих чертах, — кивнул он.

— Про оружие тоже оттуда узнали?

— Такое вообще следует узнавать в первую очередь. Но тут, признаюсь, даже меня удивило. Впрочем, учитывая славное прошлое вашей семьи, чему тут удивляться... Ах, простите. Ну, вы поняли мою мысль. Безумные долги, пропадажа коллекции драгоценностей, сервитут на имущество и прочее. В общем, никаких законных прав в настоящее время у вас нет.

— Ещё раз благодарю, что напомнили! — грубо ответила я. — Говорите быстрее, что от меня хотели, сударь, мне не терпится избавиться от вашего противного общества...

Эрик подпёр рукой подбородок.

— Нахальство ваше так непосредственно, что даже подкупает. Как будто это я влез к вам в дом с воровскими целями. Что ж, как хотите. Мы взялись за ваши поиски... назовём это просьбой... По просьбе Рудольфа Вандервельт-Немена.

Это было так неожиданно, что я не сразу нашлась. Дядя?

— Кольцо получили тоже от него. Равно как и описание того, как оно себя поведёт при встрече с вами. И если бы не ваша проделка вчера — видимо, что-то сделали со своими руками — всё бы выяснилось сразу.

— А кто подал идею, что Элен Альяни и Анна-Леста Вандервельт могут быть одним лицом?

— Нам посодействовал в этом профессор Иезекиил, — просто ответил мой собеседник.

Вот как... При мысли о том, что мой пьяница-учитель, чудак и умница, который, несмотря на свои недостатки, был

мне другом, знал мою историю и, как казалось, уважал меня и сочувствовал, мог выдать ученицу непонятно кому, стало совсем неудобно. Но лучше уж так, чем по-другому... Например, если бы эта шайка развязала Иезекиилу язык иными способами.

— Не волнуйтесь за вашего наставника, — сказал Эрик, разом прочитав на моём лице все мысли, — он к вам искренне привязан, и ему ничего не угрожает. Разве что спиться раньше времени. Он долго вещал о талантливой никому не известной студентке из бедной семьи, у которой даже денег толком не было на учебу, пришлось окончить курс заочно. Матушка ваша, с его слов, давала уроки иностранных языков и рисования, отец днём чинил цепочки в мастерской, а ночами чертил эскизы шедевров...

Да, это была наша с ним легенда, придуманная для Элен Альяни.

— В жизни, видимо, всё было несколько иначе. Раза два Иезекиил проговорился и выдал несколько деталей вашей настоящей биографии, из чего я сделал вывод, что иду в правильном направлении. Профессор совершенно не умеет врать. Да ещё в нетрезвом виде, — с насмешливой улыбкой добавил Эрик. — А то, что любитель выпить, видно с первого взгляда.

— Вы его напоили, да? — со злостью спросила я.

— Ну почему же сразу напоили, — он пожал плечами. — Предложили слегка угоститься в приятном обществе. И в

ходе беседы слегка понизили крепость благородных напитков. Без его ведома.

— Мне ясно, с кем имею дело.

— Тем лучше, а то я не расположен рассказывать. Не стоит злиться, сударыня. Я честно пытался разузнать о вас у прежних знакомых и друзей, но со времени разорения дома Вандервельтов судьбой его единственной наследницы мало кто интересовался. Должно быть, вам и самой это известно.

— Вы на редкость деликатны, сударь. Что с дядей? Судя по всему, сидит под замком где-то в сарае... или в подвале гостиницы на задворках какой-нибудь деревни. После такой же вот приятной беседы.

— Да нет, с ним-то как раз всё хорошо. Посещает планетарий, любуется видами реки с Часовой башни... Живет в своё удовольствие.

В голосе Эрика прозвучало что-то похожее на пренебрежение или даже презрение, что мне не понравилось: не его дело решать, что собой представляет дядя — человек, возможно, и легкомысленный, но по-своему добрый и великодушный.

— Впрочем, его дела меня не касаются, — добавил Эрик. — Мне нужно было вас разыскать.

Непонятно всё это было.

Да, дядя действительно вряд ли что-то знал об Элен Альяни — это имя появилось, когда Рудольф уже не один год жил на другом конце страны. Все отношения между ним и

Ванессой-Терезией, которые и так-то не отличались теплотой, к тому времени давно прекратились.

А мы с ним были друзьями — во всяком случае, мне так казалось. Он был беспечный, весёлый, похожий на игристое вино. Мама говорила — копия отца в молодости, бабушка с кривой улыбкой это подтверждала. Жил на доходы от расстроенного семейного имения, где-то иногда служил, но служба ему быстро надоедала. На просьбы определиться и заняться делами часто отвечал, то ли в шутку, то ли серьёзно, что великий ум его не создан для скучных дел... А таких слов, как служба и жалованье, приличный дворянин и знать не должен.

После его отъезда я ещё получала открытки со штемпелями разных городов — Рудольф всё так же колесил по стране и жил то в одном месте, то в другом — а потом перестал и писать. Несколько раз я отправляла по его старым адресам письма, но все они вернулись назад.

Последнюю весточку я получила через месяц после бабушки — событие было громкое, о нём писали в газетах. Соболезнование было корректно, вежливо, и слово в слово взято из официальных посланий, которые обычно направляются в таких случаях. Я понимала, что скорбеть по поводу кончины Ванессы-Терезии дядя Рудольф не будет, и всё же мне стало грустно. Казалось, тогда он мог найти для меня другие слова.

Из этого письма я сделала два вывода: что дела у дяди

идут неплохо, он живёт своей жизнью где-то в приличном месте, куда доходят столичные газеты, и что общаться с нашей семьёй даже в моём лице желания у него нет. Что ж, это было его дело, он имел на то полное право. Потом и я сменила место жительства, покинув Брокхольм и переселившись в домик на окраине провинции, который бабушка заблаговременно приобрела на моё имя.

А теперь, значит, дядя почему-то захотел встретиться. Или вынужден...

— Где Рудольф? — спросила я.

— Не слишком далеко от Бестама. Это всё, что вам следует знать. — Эрик перегнулся через стол. — А я бы на вашем месте задал другой вопрос. Не интересуетесь, откуда у него кольцо?

Полумрак в комнате сгущался от наступавших сумерек — надеюсь, не очень заметно, что у меня снова начинали гореть щеки. Да, я весьма интересовалась это узнать. Но никогда бы не показала чужаку, да ещё непонятно с какими намерениями, что происходило в нашей семье и какие дразги в ней бывали.

Эрик усмехнулся.

— Что ж, доподлинно мне это неизвестно. Но если у него есть что-то одно, уже повод задуматься, а не там ли и всё остальное. Или хотя бы часть.

Он открыл ящик, достал знакомый футляр и положил передо мной.

— Ваше кольцо, мадам. Будьте так любезны, продемонстрируйте вживую свойства этой знаменитой бижутерии. Меня уверяли, что камень светится, когда перстень надевает кто-то из Вандервельтов. Это правда? Тогда можно сократить кое-какие расходы, а то Густав вечно сетует, что освещение дорожает. В некоторых, гм... семейных ситуациях любая экономия кстати, — с галантным сарказмом закончил он.

— Вы просто свинья, сударь, и это всё, что я имею вам сказать.

Эрик оставил последние слова без внимания. Я не стала на него смотреть — слишком много чести, — открыла футляр и вытащила кольцо.

Теперь оно отозвалось сразу. Агат посветлел и стал наливаясь красным цветом. Скоро он уже полыхал всеми оттенками огня, яркого и живого, словно настоящий костёр, вычерченный на багрово-угольном фоне.

Мои руки, холодные от волнения, потеплели. Неприятная дрожь унялась. Странно, каким влиянием наделены подчас вещи — это старинное грубоватое кольцо с крупным камнем, которое я и надевала-то раза два, не больше, теперь согрело и успокоило. Тревожные мысли светлели, рассеивались, и вот я уже знала, что смогу всё. Нет ничего такого, с чем не справится Анна-Леста Вандервельт, даже если через минуту снимет кольцо. Оно всё равно останется со мной навсегда. Хотя... лучше бы его не снимать.

Эрик смотрел на пылающий агат, приподняв бровь — всё-таки был поражён, как ни старался это скрыть. Да, такое мало кому доводится видеть, и уж точно не каждый день. Я встрети-лась с ним взглядом, и в моих глазах светилось такое тор-жество, что он почёл за лучшее не показывать свои востор-ги. С усталым и снисходительным видом взял со стола пачку писем. Ну, конечно, дверь заперта, внизу сторожит его при-хвостень, из окна не выпрыгну, куда деваться...

— Развлекайтесь, — спокойно сказал он, откладывая од-но письмо за другим.

Интересно, другие свойства у кольца имеются? Или нет? Если оно называется кольцом Разбойника, должно же такое имя значить хоть что-то? Или вправду только дань традици-ям...

Я прошла к окну, чтобы рассмотреть агат, и неосторож-ным движением задела ящик стола. Тот самый, из которого Эрик достал кольцо. Ящик со скрипом двинулся из пазов. Этот звук отвлёк меня. Я уставилась на ящик, ещё не пони-мая, что произошло.

Но я же видела, точно видела, как его заперли. Точнее, слышала щелчок, с которым он закрылся. А теперь ящи-чек, один-единственный с этой стороны стола, был выдвину-т. Вон бумаги, перья, чернильница, ещё какие-то мело-чи...

Я другой рукой коснулась ящичка и вернула его на ме-сто. Снова тихий щелчок. Потянула на себя — ничего. По-

том коснулась ладонью с кольцом, зацепила узорную ручку и выдвинула ящик.

— Пытаетесь камень из оправы вытащить? — не отрываясь от писем, подал голос Эрик.

Ответа не последовало. Я замерла на месте, стараясь унять бешено колотившееся сердце. Неужели это правда, и на то оно и кольцо Разбойника, чтобы... Ну да, конечно же! И сейчас так вовремя явилось на помощь хозяйке, и всё, что ей осталось — хотя бы не испортить всё дело.

Я украдкой глянула на Эрика — он по-прежнему сидел, поглощённый своими бумагами, но я знала, что краем глаза он за мной следит. Не мог не следить. На миг я даже ощутила что-то вроде сочувствия — всё ведь сделал, как надо, а вот получишь сейчас... Ну, держись!

От неожиданности и восторга сердце всё не хотело успокаиваться, и теперь отдавалось в ушах. Мне казалось, что эти громовые удары слышны во всём доме. Только бы не заподозрил ничего раньше времени, а то ещё сломает мне руку, потому что добром кольцо назад не получит, особенно если сообразит, что к чему...

Я глубоко вздохнула, закатив глаза. Качнулась вперёд и оперлась рукой о спинку стула — того, что стоял ближе к двери.

Да, так и есть — он внимательно за мной наблюдал, потому что немедленно поднял голову. Свет падал на его гладко зачёсанные волосы и строгие серые глаза. До чего глупая

мысль мелькнула в голове — я представила, что в другое время не думала бы так яростно о том, чтобы сбежать отсюда... К счастью, эта нелепость мигом испарилась, уступив место более нужным соображениям.

Видя, что он на крючке, я продолжила — судорожно вцепилась одной рукой в обивку, второй держалась за затылок. Пальцы мои подрагивали. Бледность и красные пятна на лице не сыграешь, но я и сама чувствовала, как от волнения меня бросает то в жар, то в холод, так что со стороны полуобморочное состояние, наверное, выглядело правдоподобно.

Письма с шорохом скользнули на пол. Эрик встал с места, пристально глядя на меня, и на его лице больше не было ни сарказма, ни яда.

— Что с вами? — спросил он, делая шаг навстречу.

— Голова кружится...

— Сядьте! Да не стойте вы, сейчас упадёте...

Он отвернулся, ища глазами графин с водой, но тот, как назло, точнее, как на счастье, стоял на столике в дальнем углу комнаты. Только Эрик отвернулся, как я уже коснулась дверной ручки. Ага! Вот оно! Дверь, запертая на ключ, мгновенно подалась и бесшумно отворилась на хорошо смазанных петлях.

Я сорвалась с места и опрометью бросилась вон, захлопнув дверь, которая тут же щёлкнула замком у меня за спиной. Мне хотелось расхохотаться от счастья и заодно — чего греха таить — от злорадства.

Жаль, что не видела выражение его лица, просто ужасно жаль — посмотреть наверняка стоило. Но возвращаться даже ради этого было не с руки. Я слетела по лестнице, прыгая через ступеньку, чуть не подвернула ногу, но вовремя подхватила Грета. Во взгляде её мелькнул лёгкий ужас, видно, поняла — что-то наверху всё же стряслось.

Я вцепилась ей в рукав:

— Бегом отсюда!

У дверей привратник — а, вернулся-таки! Ах, хоть бы поблизости не оказалось Шаванна! Только его тут не хватало!

Привратник привстал, подозрительно глядя на нас, но меня было не остановить. Я схватила его воротник и умоляюще простонала:

— Быстрее, прошу вас! Стреляли из соседнего окна, ну что встали! Ждёте, пока он богу душу отдаст?!

Тот ахнул, бегом кинулся по лестнице, а мы — к двери. Я дёрнула её, но она не поддавалась. Дёрнула сильнее, чувствуя, как всё холодеет внутри: да в чём дело?! Тут же оглушил ворох предположений — то ли кольцо не действует на какие-то двери, то ли открывает не больше двух замков зараз...

— Да куда ж вы на себя-то трясёте! — Грета отпихнула меня от двери и распахнула её наружу. — Вот наказание!..

Да уж, против глупости даже такое кольцо вещь бесполезная...

Мы выскочили на пустынную темнеющую улицу, вдоль которой ходил фонарщик, зажигая газовые фонари. Я мет-

нулась в арку, оттуда — на улицу Менял, или на какую-то другую, потому что все проулки и дома казались одинаковыми.

Гретхен пыталась что-то сказать, но я тащила её вперёд, и наугад заворачивала то на одну улицу, то на другую. Одни казались мне слишком освещёнными, другие — слишком тёмными, и на каждом углу чудились погони и засады.

Когда мы оказались за Колоннадой, я начала выбиваться из сил, а Гретхен уже не могла терпеть.

— Вы его убили? — с ужасом и восхищением прошептала она.

От неожиданности я споткнулась и чуть не полетела на мостовую.

— Да как тебе пришла в голову такая дикость?! Нет, конечно! С какой стати... Идём, нечего тут стоять.

Я пыталась отдышаться на ходу. Раскалённые ребра корсета впивались в кожу. Мы сбавили шаг — здесь, у Колоннады, было полно людей, и две бегущие вприпрыжку дамы вызвали недоумевающие взгляды. А раз я приняла сидящего на скамье господина за нашего нотариуса, отпрянула в сторону и едва не снесла столик кафе.

— Что значит — с какой стати? — не отставала Грета. — Да он так нагло вас рассматривал, неужто сами не заметили? Попробовал бы так на меня глянуть, — мечтательно сказала она, — получил бы жердью по голове!

— Хорошо, что он смог скрыть свои чувства к тебе, —

буркнула я, — видела бы ты, каких сил ему это стоило!

Гретхен округлила глаза, одновременно возмутившись и зардевшись, но потом поняла, что тревога ложная, и сделала вид, что ничего такого не услышала.

За углом Колоннады она меня остановила.

— Нам туда, мадам!

— Что? — встрепенулась я.

— К «Двум медведям» туда, направо...

Я глянула на сверкающую огнями улицу, в конце которой виднелась Биржа. Возвращаться к «Двум медведям» не хотелось. Сегодня — нет. Надо где-то переждать.

— Туда не пойдём... Поищем что-нибудь у крепостного вала.

Хорошо ещё, что в Бестаме хватает мест, где можно спокойно и с комфортом переночевать — на любой вкус и кошелёк.

Пройдя по набережной Тёплой, мы взобрались на вал и в стороне от сияющих и людных улиц нашли какую-то «Виллу Маркус» — тихий пансион, населённый старушками и котами, скрытый за домами и окружённый запущенным садом.

Пожилой флегматичный служащий, дремавший за стойкой, оглядел нас и неохотно спросил, где забрать багаж. Когда я ответила, что багажа нет, и уточнила, есть ли в гостинице охрана, он на миг удивился и ответил, что, разумеется, есть — как не быть. Кивнул на такого же пожившего швейцара, сладко спавшего на козетке в углу. К ножке козетки

был прислонён костыль.

Я бросила взгляд на часы — уже без четверти десять, искать что-то другое поздно — и попросила номер на эту ночь. Служащий вытащил потёртую амбарную книгу, вписал гостей и вернулся к своей обычной апатии. Через минуту мы поднялись в мансарду. Да, если снимать по две гостиницы сразу — никаких заработков не хватит...

Круглое оконце мансарды выходило на набережную реки и открытые кафе под крепостным валом, расцвеченные вечерними огнями.

Люди медленно расходились. Торговцы сворачивали лотки. Припозднившиеся скрипачи наигрывали отрывки старого, очень известного вальса.

С минуту я стояла, закрыв глаза и прислушиваясь к знакомым звукам, вспоминала, как сама танцевала когда-то под эту мелодию — её играли на балах и в театрах, когда настраивали инструменты. Ею же начинали танцы. Всё это, вместе с кольцом, горевшим на пальце, снова и снова возвращало меня туда, назад, к прежней моей жизни. Никогда ещё не казалась она такой желанной и притягательной, и ни разу за два этих долгих, тяжёлых и изматывающих года не ощущала я так ясно, что смогу к ней вернуться... Не знаю, правда, как, но смогу.

Скрипка умолкла. Сразу вслед за этим Грета загремела чем-то в ванной комнатке. Я вздохнула и нехотя открыла глаза — пора было возвращаться в настоящее. Когда вся эта

странная и суетливая история закончится, причём, надеюсь, с наилучшими для меня последствиями... Здесь меня одолели сомнения. Ну, хотя бы, с приемлемыми последствиями, добавила я мысленно. Тогда непременно вернусь сюда и позволю себе неделю беззаботного отдыха. А сейчас — к делу.

Как в любой гостинице, здесь была карта Бестама и окрестностей, с указанием всех источников, водолечебниц, памятников и прочих достопримечательностей. Я внимательно изучила большой потёртый лист, перевернула и нашла то, что нужно — маршруты почтовых путей и расписание дилижансов почтовой службы.

Так... Из Бестама в нужном направлении можно доехать тремя разными дорогами, и ближайший экипаж отправляется завтра в час дня, что весьма удачно. Правда, надо обдумать наши действия прямо сейчас...

Грета заснула быстро, а я всё сидела у окна, смотрела на ночной город и размышляла о завтрашнем дне. До наших окон ещё долетала музыка — теперь из ресторана на соседней улочке, — голоса отдыхающих и плеск воды на плотине в предместьях, до которых отсюда было рукой подать.

Волнение от событий этого вечера наконец-то унялось, да и усталость брала своё. Я сняла мой перстень и улыбнулась, глядя на потухающий костёр. Мы же теперь опять вместе, так? И всё у нас будет хорошо. Камень согласно вспыхнул и через мгновение погас. Заснул.

Спала я не так крепко, как Грета, и всю ночь напролёт мне в разных видах являлись персонажи двух последних дней.

Стоило закрыть глаза, как представлялась Луиза, отбирающая мои перчатки, а вслед за этим потрошащая остальной гардероб, и без того сильно поредевший за последний год, со словами: «Мне, как мануфактурщику, будет любопытно!» Когда она добиралась до моего серого платья, я не выдерживала, бросалась отнимать и просыпалась от того, что вытаскиваю из-под себя простыню.

Потом возникали томящиеся в заточении профессор Иезекиил и дядя, истомлённые и иссохшие от голода. Оба пили решётку своей темницы с отвратительным скрежещущим звуком, пока их не прерывал Эрик словами: «Не волнуйтесь, с ними всё хорошо»...

— Всё хорошо? — Гретхен трясла меня за плечо. — С вами всё хорошо?

В окно светило яркое солнце, и мне показалось, что стояло оно уже высоко, чуть ли не за полдень... Я рывком поднялась на постели, мигом вспомнив про расписание.

— Который час?

— Восемь без четверти, — ответила Грета, вытаскивая из шкафа полотенца. — Только что к завтраку звонили. А вы зря не пристукнули вчера этого белобрысенького: во сне только и разговоров было, что о нём.

— Ничего, случай ещё представится, — ответила я, протирая глаза. — Послушай, сокровище... Сегодня мы долж-

ны обратиться из Бестама. Ах, как спать хочется, ещё бы часок полениться...

— Домой? — спросила Гретхен.

— Не совсем.

— Как это — не совсем? Куда ж тогда?

— Не за тридевять земель, не беспокойся. В Вельхем.

Грета вопросительно смотрела на меня.

— А что мы там забыли, мадам? Вы только не подумайте, что я против, или, допустим, вредничаю...

Я сладко потянулась и спустила ноги с постели.

— Что мы там забыли! А там, сокровище, ключ ко всей интриге, как мне кажется. Не знаю, как именно он выглядит, доедем — увидим. Если, конечно, он нас дождётся. Ты знавала, завтрак тут входит в цену? Позавтракать надо хорошо, потому что когда и где мы будем есть в следующий раз... — я встала и направилась в ванную комнатку, — пока неизвестно.

Грета пошла за мной, таща ворох полотенец и ожидая дальнейших разъяснений. Обещанная неизвестность с обедом и ужином подействовала на неё ещё более угнетающе, чем необходимость куда-то ехать.

— Вчера наш высокомерный приятель утратил осторожность и кое о чём проговорился, — я налила горячей воды и стала с наслаждением умываться, на ходу пересказывая свои соображения: — он упомянул, что дядя посещает планетарий... Ну-ка, сколько их в стране?

— А я их считала, по-вашему... Да хоть десять!

— Четыре, — поправила я. — Их было всего четыре, уж это-то я знаю наверняка. Один год назад сгорел, второй примерно тогда же закрылся... Итого два — один в столице, другой как раз в Вельхеме. А дальше вид на реку и Часовая башня. Вельхем, другого такого совпадения быть не может, — я взяла у неё полотенце. — Если только в Линденштадте не выстроили такую же башню с курантами... Там ещё фигурки рыцарей движутся, когда часы бьют. Рыцари на конях, помнишь?

— Это точно? — спросила Грета.

— Ха, точно! Точно об этом могут сказать только герр Шаванн и наш блондин, только вряд ли захотят. Ничего, и без них разберёмся.

— А вдруг они будут нас там искать? — задала неприятный вопрос Грета.

— Это возможно. Если не решат, что негодяйка-родственница Рудольфа схватила кольцо и просто сбежала. Какой нынче месяц на дворе? Сентябрь. А что в сентябре в тех краях? Праздник пива, — я рассуждала, комкая мокрое полотенце, — понаехало много народу, и мы не будем бросаться в глаза. Да Вельхем и сам более людный, чем эта модная богадельня... где каждый болящий на счету...

Грета по-прежнему стояла передо мной. Я подняла глаза и увидела, что она внимательно на меня смотрит, и в её взгляде было то ли непонимание, то ли неодобрение.

— Так вы и вправду решили податься в Вельхем из-за господина Рудольфа? — наконец спросила моя камеристка.

А, опять Грета за своё... Воспитание Ванессы-Терезии, с этим уже ничего не поделаешь.

— Не лучше ли нам вернуться домой? Заказ вы, почитай, выполнили, деньги снимете, кольцо упёрли, — я сердито глянула на неё, и она поправилась: — ну, себе вернули! И всё... Пора назад.

— Грета, неужели не понимаешь? Кольцо... Да, мы нашли кольцо. Но я смогу найти гораздо больше — всё своё состояние! Если отыщу дядю и разберусь, что творится. И вообще... — мне хотелось добавить, что не столько у меня осталось родных на белом свете, чтобы ими разбрасываться.

— Найти вы сможете неприятностей на свою голову, — убеждённо сказала Грета. — По наследству есть розыскное дело, вот пусть сыск и лопатит! Это их ремесло. Намекните им, что шелкун этот...

— Грета! — я повысила голос.

— ...простите, дядюшка ваш, в Вельхеме нынче сидит, и пусть они к нему в гости скатаются. Поговорят с глазу-то на глаз. Вреда бы большого не было!

— Много они тебе нашли за два года? — с досадой спросила я, уже жалея, что пустилась в откровенный разговор. Проще было коротко сказать, что этого требуют дела, и конец беседе. — А про то, что ты предлагаешь, даже слушать не хочу.

— Ну и не слушайте! Не слушайте! Жаль, госпожа Ванеса-Терезия не видит, устроила бы вам головомойку!.. Не посмотрела бы, что знаменитый ювелир!

— Грета, сегодня мы едем в Вельхем и довольно об этом. Вернуться можем в любой момент, не на край света собираемся. А сейчас идём к «Медведям», возьмём вещи — надо бы как-то незаметно это сделать...

Гретхен осведомилась, как мы проберёмся в гостиницу. Похоже, она всё-таки была уверена, что Эрика я вчера пристукнула, и теперь нахожусь в розыске.

— Как все обычные люди. Беспokoиться не о чем. Пока. Тут мелькнула мысль, что способ, которым я завладела кольцом, всё же не до конца безупречен с позиции закона, если уж соблюдать все формальности. Впрочем, объясните-ка сначала сами, каким образом оно к вам попало. И вообще — где это видано, чтобы вещь с таким названием покупали, выкупали, и оформляли в собственность пошлыми приличными способами. Какое же это тогда кольцо Разбойника...

Наш апатичный знакомый так же неторопливо рассчитал нас, нанял закрытый экипаж, и мы отправились напрямик в почтовую контору. Нужно было купить билеты на сегодняшней дилижанс — надеюсь, места остались — заодно, если удастся, проверить одну мысль.

Контора только открылась. В зале лениво щёлкали костяшки счётов и шуршали бумаги. Ходили кучера и почтовые курьеры с мешками, заляпаннными сургучом. В соседнем

кабинете вяло переругивались из-за марок. На аккуратных чистых стенах, между расписаниями и прейскурантами висело большое видное объявление: «Для передвижения между границами разных провинций требуется удостоверение личности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.